

Публицистика

ДЭВИД ФРОСТ,
ЭНТОНИ ДЖЕЙ

АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

Перевод с английского и предисловие О. ОРЕСТОВА

СЛЕЗЫ СКВОЗЬ СМЕХ

Книга «Англии — с любовью», отрывки из которой публикуются ниже, вышла несколько лет назад. Это не беллетристика и не научный трактат, она далека и от того, и от другого. Это несколько необычный тип публицистического произведения, в котором серьезное подносится через смешное и авторы словно беседуют с читателями, приглашая иронически взглянуть вместе с ними на современную Англию. Чтобы понять, почему авторы избрали такой разговорный стиль, нужно сказать несколько слов о них самих.

Когда книга вышла из печати в Англии, всем было ясно, что главным ее создателем был Дэвид Фрост, пользовавшийся тогда широкой известностью в стране.

Д. Фрост — журналист, телевизионный продюсер и комментатор, работавший сначала в компании Би-би-си, а затем перешедший в коммерческую телевизионную компанию Ай-ти-эй. Каждую неделю он выступал со своей собственной программой, которая получала особое наименование: «Доклад Фроста», «Программа Фроста», «Шоу Дэвида Фроста», «Фрост по пятницам», «Фрост на просторе» и т. п. Каждый раз он брал одну тему, приглашая к себе в студию самых различных людей — министров, парламентариев, бизнесменов, руководителей партий, писателей, домохозяек, студентов. Вспоминается, как перед камерами в зале собрались дети (с Фростом сидели педагоги и священники). Фрост расспрашивал детей, читают ли они молитвы, понимают ли они эти молитвы, зачем они их читают и т. д. И вот на глазах миллионов зрителей детишки откровенно рассказывали, как они барабанят молитвы, даже не думая об их содержании, только потому, что этого требуют родители и педагоги. Дети приводили абракадабру, которую они бормочут про себя, делая вид, что читают молитвы. Под конец передачи Фрост обратился к учителям и священникам с едкими вопросами о целесообразности подобного ритуала. Эта передача, как и другие программы Фроста, вызвала широкие отклики, но и недовольство определенных кругов.

В своих беседах и интервью Фрост не стеснялся, задавая приглашенным самые острые вопросы, поднимая наиболее «деликатные» и злободневные проблемы. Министры и чиновники ежились, выкручивались, а иной раз, забыв о многомиллионной аудитории, вступали в перепалку, кричали и негодовали, защищая честь мундира. Фросту только это и нужно было: значит, передача удалась, зритель будет доволен. В печати появились недоброжелательные отзывы. Фроста прозвали «великим инквизитором», упрекали, что он перегибает палку, компрометирует влиятельных деятелей. После таких отзывов передачи становились еще более популярными.

Я наблюдал за успехом Фроста на протяжении шести лет пребывания в Англии и замечал, какие характерные изменения претерпели его программы. Как это часто случается в Англии, власть имущие, недовольные Фростом, не трогали его, не запрещали его передач. Они просто прибрали его постепенно к рукам, одетым в бархатные перчатки.

В публикуемых отрывках из книги Фрост рассказывает, как английский «высший класс» поступает с некоторыми так называемыми «рабочими» лидерами: он берет их в свои мягкие, душные объятия, награждает, одаривает, поднимает над другими, и вот бывший лидер становится послушным, покорным членом истэблишмента, то есть официального механизма, управляющего страной. Можно было бы привести мно-

жество примеров подобной обработки строптивых. В Англии каждый знает имя Джорджа Брауна, бывшего лейбористского министра, «товарища» Брауна, который с каждой трибуны хвастался тем, что вышел якобы из рабочего класса, бил себя в грудь, клянясь в верности профсоюзам, а сейчас он... барон Джевингтонский, пожизненный пэр, лорд Джордж Браун.

Примерно то же произошло с самим Дэвидом Фростом. Его начал приглашать в гости премьер-министр, его хвалили и продвигали, ему платили большие деньги. А программы его постепенно теряли остроту, бледнели. Фросту устроили еженедельные телевизионные передачи в США — каждый понедельник он вылетал в Нью-Йорк, через два дня возвращался к английским экранам. И в Лондоне, и в Нью-Йорке на него работали большие бригады журналистов. Передачи получили претенциозные названия: «Фрост над Англией» и «Фрост над Америкой». Когда я покидал Англию, они уже превращались в обычные музыкальные шоу, с песнями и комическими скетчами.

А через некоторое время его назначили одним из директоров и превратили в одного из совладельцев коммерческой телевизионной компании, вырвав тем самым окончательно его острые зубы...

Энтони Джей малоизвестен. Он был телевизионным режиссером на Би-би-си, откуда ушел в 1964 году; сотрудничал с Фростом и продолжал свою деятельность журналиста.

Книга «Англии — с любовью» написана без претензий на серьезные обобщения. Легко угадывается, что авторы любят Англию как она есть, с ее недостатками и пороками. И смеются они над ней в общем-то беззлобно. Но — если переиначить старую поговорку — сквозь смех в книге проступают слезы. Работая над своими резко критическими телепередачами, Фрост умышленно выбирал отрицательные стороны жизни Англии и убедился, что материала больше чем достаточно. Создается впечатление, что авторы хотели свести все к безобидной шутке, ограничиться юмористическим набегом на английскую действительность, но она вырвалась у них из рук и повернулась перед читателем оборотной стороной. В книге, даже в отдельных лаконичных, саркастических фразах, часто дается убийственно правдивая характеристика современного английского капитализма, правящих кругов Англии, государственной бюрократической машины, буржуазного образа жизни.

После выхода книги в свет уже ушло лейбористское правительство Вильсона и на смену снова пришли консерваторы. Казалось бы, многое должно было измениться, но на самом деле в политическом облике страны, о котором пишут Фрост и Джей, все осталось по-прежнему. Разве что упомянутые ими споры об «Общем рынке» завершились все-таки вступлением в него Англии. И так же английские лидеры твердят, что они никоим образом не претендуют на «руководящую» роль в «Общем рынке», но делают все, чтобы обеспечить себе «председательское» кресло.

Весьма откровенные главы книги «Родина демократии» и «Избирательная карусель» — это смелый памфлет, разоблачающий буржуазную демократию, которую авторы вывернули перед нами наизнанку. Они говорят без обиняков, что английский парламент служит не интересам народа, а интересам его правителей. Чтобы это не звучало огульно, они, в своей обычной иронической манере, рассказывают, как выбирают депутатов парламента и чем те занимаются на деле.

Честно говоря, некоторые высказывания авторов о политических и государственных лидерах, о парламентских порядках граничат с дерзостью. Немногие журналисты решились бы называть премьер-министра «шуточным королем», а политических деятелей — «рекламными агентами». Но, в конце концов, Фрост и Джей — англичане, и можно оставить это на их совести, они знают, что говорят.

Авторы назвали одну из глав «Бесклассовое общество». С первых же строк мы видим, что это горькая ирония, что классовое общество в Англии существовало и продолжает существовать. Конечно, говоря о классовом характере общества, они пользуются неприемлемой для нас терминологией: высший, средний и низший классы. Нельзя согласиться и с утверждением, будто чуть ли не основной причиной нынешнего деления общества на классы является английская система образования, хотя она действительно служит целиком интересам правящего класса. Авторы — буржуазные журналисты обходят самый существенный вопрос — об экономической сущности капиталистического общества.

И все же, несмотря на эти изъяны, книга очень глубоко затрагивает вопрос об отношениях между имущими и неимущими, привилегированными и обездоленными. С особой горечью повествует она о судьбе молодого человека, рабочего парня, теряющего всякую надежду на какой-либо сдвиг к лучшему в своей жизни в рамках капитализма. Читая эти страницы, не сомневаешься, на чьей стороне симпатии авторов.

В резких тонах идет речь об английской судебной системе, которая так определяет понятие преступления: «поведение низшего класса, которое вызывает неудовольствие высшего класса».

Об английских судах и судьях написаны многочисленные тома и научные трактаты. Пожалуй, ничем так не гордятся правящие круги Англии, как созданной ими судебной системой, якобы олицетворяющей справедливость и беспристрастность. Фросту и Джей не понадобилось много печатных листов — они высмеяли и разобла-

чили лицемерие английских судов на двух-трех страницах. Становится очевидным — хотя в этом можно было и не сомневаться, — что судебная система Англии, как и любой другой институт, служит интересам правящего класса. Неслучайно авторы замечают: «Если один и тот же закон слишком часто ловит представителей высшего класса, то такой закон изменяют».

Пожалуй, наиболее политически актуальна глава из книги, названная авторами «Великая иллюзия» и открыто осуждающая английские правительства за бессмысленное расходование колоссальных средств на военные цели. Фрост и Джей упоминают, что военные расходы составляли фантастическую, как они ее называют, цифру в два миллиарда фунтов стерлингов. Пребывание у власти лейбористов, а сейчас консерваторов привело к тому, что эта сумма теперь выросла уже до 2 854 481 000 фунтов, а по неофициальным подсчетам даже до трех миллиардов фунтов!

Многие годы прогрессивные, демократические силы Англии выступают за сокращение военных расходов, которые тяжелым бременем ложатся на экономику страны, на плечи трудящихся. Фрост и Джей высмеивают и критикуют английских генералов и адмиралов, уверяющих, будто речь идет об увеличении ассигнований на так называемую «оборону». Они хорошо понимают, что дело не столько в военщине, сколько в иных, империалистических кругах Англии, заинтересованных в сохранении напряженности в мире, участии Англии в военных авантюрах НАТО, размещении ее военных баз на чужих территориях. Хотя и глухо, авторы книги в двух фразах упоминают этих «влиятельных деятелей», связанных с военно-промышленными кругами, которым выгодно превращать «мирные ситуации в напряженные, напряженные — в опасные, опасные — во взрывчатые». Именно эти круги и диктуют сменяющим друг друга правительствам требования дальнейшего увеличения военных ассигнований.

Читатели вынуждены согласиться с парадоксальным выводом авторов книги, что лучше всего было бы разделить эти миллиарды среди населения Англии, дать каждому жителю по 40 фунтов, и «пусть они сами обороняются». Это смешно, но в какой-то мере справедливо, ибо всем — в том числе и в Англии — известно, что стране не угрожает никакая опасность и никто не покушается на Британские острова. И если Англия расходует миллиарды — что ей совсем не по карману, — то только потому, что ее правящие круги не способны отказаться от имперской, империалистической психологии и упрямо мечтают о «ведущей» роли в военных блоках, которые не нужны английскому народу и несут ему только дополнительные беды и тревоги.

Книг об Англии и англичанах написано много. Фрост и Джей, обращающиеся к массовому читателю, не могли обойти молчанием нелепые традиции и чудачества англичан. Более того, они искренне заявляют в предисловии, что без этих чудачеств «английский пейзаж, пожалуй, был бы куда монотоннее и скучнее».

Однако ценность книги «Англии — с любовью» не в одних этих веселых — иногда анекдотических — эпизодах из жизни англичан, а в том, что ее авторы не побоялись критически взглянуть на всю государственную и социальную систему современной Англии, как говорится, классической страны капитализма. За это мы и признательны Дэвиду Фросту и Энтони Джейю.

Каждого, кто пишет книгу об англичанах, — особенно если он сам англичанин, — поражает обилие противоречий в жизни нашей нации. Мы не только миримся с ними, но откровенно ими наслаждаемся. Будь это женщины, которые до изнеможения, до изнурения бродят по магазинам в поисках новых приспособлений, призванных облегчить их домашний труд; или кинопродюсер, который ищет талантливых молодых людей со свежими идеями, но непременно с тридцатилетним опытом работы; или предприимчивый фабрикант, который перепахивает поле, усеянное прелестными нарциссами, чтобы построить на нем завод по производству цветов из пластмассы.

Мы с горечью задумались: как могут существовать в нашей изумительной — во многих отношениях — стране подобные предрассудки, нелепости и пороки? А подумав, решили, что без них английский пейзаж, пожалуй, был бы куда монотоннее и скучнее.

Но вот мы дошли и до самого странного противоречия: как может добросердечный, гордый своей страной английский народ так холодно принимать иностранцев, приезжающих знакомиться с Англией и любоваться ею? Очевидно, есть доля правды в старой и очень простенькой английской поговорке: «Здесь хорошо жить, но мне не хотелось бы приезжать сюда в гости».

С любовью,
Д. Ф.,
Э. Дж.

О положении страны

 оложение страны. Давно этим вопросом только и занимаются английские пандиты¹ и швейцарские банкиры. И те и другие рисуют чрезвычайно мрачную картину. Каждый уважающий себя пандит считает долгом, не скупясь на слова, разъяснить, что мы находимся в состоянии серьезного экономического кризиса.

Если в старые добрые годы на странице газеты со спортивными новостями появлялся заголовок: «Полное крушение Сассекса»², то пожилые дамы мчались к телефону с воплями: «О боже, не развалился ли мой дом в Брайтоне!» Сегодня, увы, даже заголовок «Англия рухнула до перерыва на ленч», составленный явно в спортивных терминах, чаще всего воспринимается буквально, как вест о резком падении фунта стерлингов на биржах. Сами понимаете: это вам не крикет!

Взирая на Англию, пандит видит только беды и несчастья: огромные долги, малопродуктивная промышленность, старомодные профсоюзы, неконкурентоспособные фирмы, недостаточный экспорт, сокращающиеся валютные резервы, жестоко ограниченная зарплата, забитые машинами дороги, приходящие в упадок города, безответственные подростки, неверующие священники, бегущие из тюрем заключенные, телевизионные маньяки, близорукие бюрократы и недалёковидные политики. И все пытаются подпереть шатающиеся руины одряхлевшей империи с помощью небоеспособной армии и сомнительной валюты.

Пандит видит беды и несчастья. На останках столицы дряхлой империи он, словно изгнанный монарх в рваной мантии, вздыхает о былой славе и плачет от зависти к другим странам. Забидует богатству Америки, целеустремленности России, независимости Франции, трудолюбию немцев, энергии японцев; завидует швейцарским банкам и шведским нравам, вест-индским крикетистам и австралийским теннисистам. Мы сокращаем расходы на социальные нужды, чтобы задобрить иностранных банкиров; кроим нашу внешнюю политику так, чтобы угодить американским кредиторам, и собираемся лишить фунт стерлингов роли международной валюты — только бы европейские соседи помогли нам вылезти из долгов. Гордится пандит лишь английскими поп-певцами. В глубине души ему за них очень стыдно.

Англичанам, говорит он, пришел конец. Ими овладела апатия. Их терзают сомнения. Они дошли до отчаяния. Власяница и пепел на голове — их национальное одеяние, хлеб и вода — единственная пища. По

¹ Ученый, мудрец (*инд.*).

² Речь идет в данном случае о поражении в крикете (наиболее распространенная в Англии спортивная игра) команды графства Сассекс (где расположен и город Брайтон). Крикетный матч обычно длится несколько дней, с ежедневным перерывом на завтрак (ленч). (*Здесь и далее — примечания переводчика.*)

крайней мере, так оно должно быть, если верны его расчеты.

Но взгляните на Англию — что вы видите? Англичанин не унывает. Население расходует на рождественские подарки и угощение колоссальные суммы, причем к следующему рождеству они будут еще больше. У агентов по продаже недвижимого имущества растет число заказов на дома стоимостью выше 10 тысяч фунтов; на скачках, в игорных домах и шикарных казино деньги льются таким потоком, что к соблазнительным зеленым столам Англии уже спешат агенты мафии из Лас Вегаса. Англия гордится и достижениями своего экспорта: мы экспортируем ученых и врачей больше, чем любая страна мира.

Толпы людей посещают картинные галереи Англии, чтобы взглянуть, где раньше висели мировые шедевры живописи. Мы знаем, что английский климат самый лучший в мире, вот только погода была бы лучше. Так или иначе, Англия остается крупнейшим в мире производителем бит для крикета, «Юнион Джекс»¹, нот с мелодией «Боже, храни королеву», сувенирных пресс-папье с лондонским Тауэром и железнодорожных вагонов второго класса. Моды с Карнэби-стрит², где девушку с трудом отличишь от парня, прославились во всех уголках цивилизованного мира. Декольте становятся ниже, подолы — выше. Никто не знает, куда все это приведет нас, но каждому хочется быть там, когда это произойдет. Но что именно произойдет? Откуда это веселье и жизнерадостность? Как объяснить, что несмотря на все свои беды англичане наслаждаются жизнью? Может быть, это последний роскошный пир в древней цитадели, к воротам которой уже подошли готы? Или Нерон веселится, наблюдая, как горит Римский договор³? Или это поразительная беспечность? Или прощальный вальс в сверкающем зале «Титаника» за час до его гибели под океанскими волнами?

Все это, на первый взгляд, не соответствует характеру англичан. Но может быть, за последние годы их характер совершенно изменился? По мнению иностранных наблюдателей, у англичан есть три неотъемлемые черты характера: лицемерие, холодность и снобизм. Неужели же они и впрямь смыты нахлынувшей волной искренности, сердечности и равноправия?

Непохоже, чтобы искренность совсем вытеснила наше лицемерие. Мы говорим о жизненно важных узлах между членами Содружества Наций, а затем прекращаем выплату стипендий студентам из стран Содружества. Мы осуждаем расистскую политику Южной Африки, Родезии и США, где расовая проблема действительно серьезна, и с восторгом объявляем, что, пустив в Англию команду вест-индских крикетистов и назначив одного «цветного» полицейского, мы решили эту проблему у себя

¹ Государственный флаг Великобритании.

² Лондонская улица, где расположены модные магазины для молодежи.

³ Римский договор о создании «Общего рынка» (Европейского экономического сообщества), подписанный в 1957 году.

дома. А если и не решили, то, как писал один читатель в газете «Обсервер», «во всем виновата королева. Она разъезжает по черным странам, черные исполняют для нее военные танцы и думают, что им можно ехать в Англию и отнимать у нас работу». Когда мы увольняем рабочих, оставляя их на произвол судьбы, мы говорим о «реорганизации» производства и «перегруппировке» рабочей силы. Мы запрещаем рекламу табака по телевидению, которое может обойтись и без нее, но разрешаем печатать ее в газетах, которые без доходов от нее не обойдутся. Мы позволяем болтать о чем угодно на «Уголке ораторов» в Гайд-парке, ставшем убежищем патентованных эксцентриков, но бросаем в тюрьму студентов, которые размахивали флагами перед носом премьер-министра в брайтонской церкви. Мы создали должность Государственного контролера, который исправлял бы ошибки и промахи бюрократической машины, но не даем ему никаких прав для выполнения столь важной задачи. Зато книги с руководством по санкционированному лицемерию, скажем, о том, как зевать, не открывая рта (это иногда именуется этикетом), становятся бестселлерами.

Сердечность еще отнюдь не вытеснила холодности. Предположим, что молодой англичанин сидит в полутьме на диване с девушкой, которая рассказывает ему, что нашла магазин, где продают весьма рискованные черные мини-юбки с разрезами по бокам, — просто потрясные! — белые, прозрачные, плотно облегающие стан свитеры с дырой посередине и глубоким декольте, а также легкие, словно пена, нижние юбки с шелковой подкладкой и рисунком в стиле оп-живописи. Несказанно заинтригованный юноша пытается поцеловать девушку и... получает пощечину. Басни о сексуальных аппетитах молодых англичан раздуты и придуманы завистливым старшим поколением, чтобы удовлетворить свое жадное воображение. Однако никто не говорит, что англичане обходятся без секса. Просто они не умеют легко и изящно флиртовать, стесняются теплоты и нежности, что и отличает их от других наций. Тут, действительно, изменений не произошло. Группа социологов наблюдала в разных странах, насколько часто юноша и девушка во время разговора касаются друг друга. Как и следовало ожидать, англичане оказались в самом низу таблицы.

Если в других странах, знакомясь с человеком, произносят какие-либо слова, выражающие удовольствие и радость, в Англии еще пользуются бессмысленной, формальной, холодной фразой: «Хау д'ю ду?» (нечто вроде: «Как вы поживаете?»). Англичане так же замкнуты, как и раньше. Если сомневаетесь, попробуйте завязать разговор с незнакомым пассажиром в купе — только все же советуем записаться на дорогу книгой. Даже не очень интересной книгой. Так справочник Джонсона «Сверление и токарная обработка дерева» покажется вам после «беседы» с незнакомым англичанином наилучшим развлечением.

Равноправие никоим образом не вытеснило снобизм. Г-н Джордж Браун, министр иностранных дел¹, появился на банкете в Букингемском дворце в визитке, а не во фраке, как все остальные. Газеты сочли этот факт достойным внимания и пространных комментариев, а англичан происшествие не только заинтересовало, но даже серьезно взволновало. Следует ли после этого доказывать, что Англия сохраняет все атрибуты общества, разделенного на классы! Как г-н Браун, так и остальное население Англии своим поведением доказали, что они могут одобрять или не одобрять деление общества на классы, но они прекрасно осведомлены о его существовании. Самое занятное в этом эпизоде, что никого не удивило, почему у г-на Брауна, который каждого именует «братом» и «товарищем», вообще оказалась собственная парадная визитка.

Переход из одного класса в другой сейчас совершается несколько легче, чем раньше. Но классы остаются резко разграниченными, а попытки слить их воедино вызывают сопротивление и взрыв негодования. Так, за последнее время больше всего переживаний в Англии вызвала идея обучать всех детей, независимо от имущественного положения и классовой принадлежности родителей, в так называемых общеобразовательных школах. При этом англичан несколько не взволновал тот факт, что принцу Чарльзу² разрешили поступить в Кембриджский университет без вступительного экзамена. А в Челси, как говорят, есть богатый сноб, который считает недостойным ездить в одной автомашине вместе со своим шофером.

Нет, англичане не изменились. И если вас изумляет, как они могут веселиться в разгар национального — и судя по всему — глубокого кризиса, то вы просто не понимаете, что в Англии все выглядит не так, как оно есть на самом деле. Вы не знаете, что англичанам удалось превратить пуританство в удовольствие, а удовольствие сделать пуританским. Вы еще не осознали, что англичане — самые необычные люди на грешной земле. Англичане решили сложную проблему — как одновременно счастливо улыбаться и мрачно хмуриться.

Мы, англичане, бываем очень строги ко всяким проявлениям коррупции и распущенности. Политический деятель боится, как бы его не заподозрили в пьянстве, и обычно не позволяет фотографировать себя со стаканом в руке. Если на приеме или в гостях он отказывается выпить, кто-нибудь обязательно шепнет ему: «Не робей, рискни разок!» — будто толкает его на смертный грех.

¹ Министр иностранных дел в лейбористском правительстве Г. Вильсона, отличавшийся эксцентричностью и странностями, вызывавшими иронические замечания английских газет.

² Наследник английского престола.

ДЭВИД ФРОСТ, ЭНТОНИ ДЖЕЙ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

Поэтому англичане добровольно стремятся к тому, чтобы любое удовольствие было сопряжено с неудобствами и трудностями; этим они достигают компромисса с пуританством. Плакаты напоминают курильщикам, с наслаждением пускающим кольца дыма, что они убивают себя никотином; их штрафуют с помощью такого налога на сигареты, что они стоят дороже, чем в других странах мира. Употребление алкогольных напитков ограничено ежедневно несколькими часами, и как только люди по-настоящему развеселятся, их выгоняют из теплого уютного паба¹ на уличный холод, чтобы они поразмыслили хорошенько над своей греховной распущенностью. Присвоение денег без разрешения хозяина считается в Англии, как и везде грехом. Но англичане относятся и к своим деньгам как к чему-то грязному и даже опасному. Они сразу относят их в банк, из которого — поскольку он открывается в 10 часов утра и закрывается в 3 часа дня — их нельзя получить именно в самое удобное для человека время — утром до работы и вечером после работы. Но даже деньги, которые все-таки остаются у англичан на руках, нелегко израсходовать, ибо вечером после работы магазины опускают металлические шторы, а поднимают их лишь на следующее утро. Но тогда все уже находится на работе — с деньгами в кармане.

Особо поощряются в Англии три пуританских и варварских обычая: открывать окна в холодную погоду, совершать длительные прогулки в холодную погоду и купаться в холодной воде. Обычай настолько отвратителен и неприятен, что на деле их соблюдают только самые выносливые англичане. Однако каждый англичанин знает, что ему тоже следовало бы соблюдать их. Поэтому, ублажив свою плоть горячей ванной, он затем умерщвляет ее полотенцем, напоминающим наждачную бумагу. Если англичанин придет к выводу, что все же надо распахнуть окно, он этим не ограничивается и ждет, когда совсем погаснет огонь в камине, а затем топчется на месте, потирает замерзшие руки, словно он только что водрузил «Юнион Джек» на Южном полюсе. Он хорошо запомнил уроки детских лет. Чем дороже образование, тем оно более пуританское: из теплых современных зданий начальных школ, где запрещены телесные наказания, англичанин переходит к высшей стадии умерщвления плоти в сырых, холодных, нетопленых старинных зданиях привилегированных частных школ, где он живет в тесноте, питается несъедобной пищей и постоянно подвергается порке.

К счастью всегда примешивается элемент несчастья. Но это не помешало Англии процветать и жить не по средствам. В течение шестидесяти лет Джон Буль пытался отсрочить час расплаты. День ревизии приближался медленно, но в конце концов он наступил. О том, что пришел страшный мо-

¹ Паб (паблик хауз) — таверна, пивная, излюбленное место общения и отдыха англичан после работы.

мент расплаты, нам напомнил г-н Гарольд Макмиллан¹.

Мы никогда не забудем, как зловеще он провозгласил: «Вам никогда не жилось лучше, чем сейчас». Столь ужасные слова из английского лексикона еще никто и никогда не произносил — для этого понадобился шотландец, с присущим этой нации презрением к англичанам. Не удивительно, что потом его предали анафеме и так и не простили. Ведь он на момент сорвал прозрачную кисею, которой англичане отгородились от невзгод и несчастий, чтобы наслаждаться жизнью. Он заставил их наконец признать очевидный факт, что жить-то, в общем, довольно приятно.

Сначала воцарилась паника и отчаянье. Каждый англичанин оказался лицом к лицу с тяжелой проблемой: как бы он ни сопротивлялся, жизнь была хороша и все время улучшалась. Это, в свою очередь, породило национальную проблему. Если англичане как нация стремились к могуществу, деньгам и международному влиянию, то англичане как индивидуумы так боялись возможных последствий возросшего изобилия, что фактически бросили работать. К счастью, было найдено решение этой проблемы. Правительство уведомило народ, что страна погрязла в долгах, тем самым расшевелив задремавшее было пуританство, которое утвердило себя с новой силой. Мысль о постыдном банкротстве, разговоры о режиме экономии и замораживании зарплаты, призывы воскресить «дух Дюнкерка»² и смело отбиваться от врагов — все это помогло англичанам не только прийти к заключению, что они вовсе не наслаждаются жизнью, но и снова взяться за работу.

Правда, проблему можно было решить и иным путем — отобрать у английских компаний и трестов те миллиарды долларов, которые они вложили за рубежом, и компенсировать их фунтами стерлингов по сходному валютному курсу. Когда такой путь официально предложил г-н Эндру Шонфилд³, ему ответили, что это помогло бы остановить нынешний кризис, но не излечило бы более глубокого недуга. Беда в том, что такой шаг действительно излечил бы «более глубокий недуг», но одновременно подтвердил бы и ужасные слова г-на Макмиллана.

Бесклассовое общество

Счастливым для Англии был день, когда она начала разрушать свою старую классовую систему. Долгие годы деление на высший, средний и низший классы порождало вражду и горечь, пагубные для здоровья на-

¹ Г. Макмиллан — консерватор, премьер-министр Великобритании с 1957 по 1963 год.

² Дюнкеркская операция (май — июнь 1940 г.), когда английские войска, прижатые гитлеровцами к морю, были вынуждены эвакуироваться в Англию, понеся серьезные потери.

³ Э. Шонфилд — известный экономист, сотрудничавший в газете «Обсервер», руководитель Института социальных исследований.

ции и составляющих ее индивидов. Царил снобизм и господствовало неравенство. Высокомерное отношение высшего класса к среднему, жестокое безразличие среднего класса к низшему; раболепие низшего класса перед двумя другими — все это превращало в насмешку идеи свободы и братства людей.

Когда все разумные народы уже отказались от бессмысленных представлений о «благородном» происхождении и аристократизме, англичане все еще цеплялись за свой классовый строй. Но сейчас у нас более гуманный век. Англичане, наконец, признали нелепость архаичного деления общества и отказались от него. Г-н Эдвард Хит сменил четырнадцатого графа Хьюма¹; клубы Сент-Джеймса уступили место кафетериям Челси; Карнэби-стрит задушила Сэвил-роу²; ливерпульские поп-звезды проводят уикэнды в герцогских замках; герцоги пошли работать; старинные университеты принимают в свои стены сыновей неотесанных рабочих. Плохая старая система сломана. Архаическая пирамида — высший-средний-низший, — нечестивая тройца зависти, недоброжелательства и горечи трещит и рушится. Пэры, придворные и помещики потеряли свой былой ореол. Три класса смешиваются, сливаются воедино. Рождается новая Британия.

Бесклассовость — точнее, иллюзия таковой — возникала в процессе постоянной ассимиляции, благодаря которой Англия в течение ряда веков избегала кровавых революций, гражданских столкновений и сохраняла королевскую семью и привилегированные институты, хотя почти повсюду в мире они полетели вверх тормашками. Английский высший класс умело избегал окопной войны. Вместо этого, если снизу давили слишком сильно, он прибегал к тактическому отводу сил с позиций. Высший класс уступал спорную территорию добровольно, без кровопролития и слез, но, конечно, захватив с собой все, что имело хоть какую-либо цену.

Так например, когда массы требовали избирательного права, им дали это право. Только оказалось, что оно ничего не стоит, так как вся власть в избирательных округах была передана организациям партий, находившимся под контролем высших классов и подбиравшим кандидатов, за которых теперь могли беспрепятственно голосовать массы, опьяненные завоеванной свободой. Когда средние классы потребовали вырвать из рук аристократии и дворянства государственную службу и открыть ее для всех, кто пройдет соответствующий экзамен, их желание было немедленно удовлетворено. Аристократы отказались от соблазнительных синекур, а одержавшему победу среднему классу передали в полное владение профессию, которая «гарантировала» ему мизерную зарплату, долгий рабочий день и, вдо-

¹ Э. Хит и Алек Дуглас-Хьюм — консервативные премьер-министры; первый вышел из рядов интеллигенции, второй принадлежит к аристократии.

² Лондонская улица, где находятся самые дорогие портные, обслуживающие «высшее» общество.

бавок, постоянные обвинения в нерадивости. Когда народ потребовал образования, высшие классы тут же согласились дать ему образование. По поводу того факта, что оно намного хуже образования, которое покупает высший класс для своих детей, вряд ли следовало жаловаться, ибо народу с самого начала внушили, что по справедливости — источником и оплотом ее, конечно, является Англия — каждый получает только то, за что он платит.

Помимо всего, покидая поле боя, высшие классы уводили с собой заложников. Они знали, что для некоторых людей невыносима и унижительна сама идея существования более высокого класса, к которому они не принадлежат. Эти люди готовы были сокрушить высший класс, хотя он и шел на уступки. К таким непреклонным, свирепым существам, жаждавшим крови — точнее, голубой крови, — применялись особые успокоительные средства. Когда они мчались в атаку, оставив позади толпу, неожиданно распахивались ворота замка; дрожащие от негодования, лидеры толпы останавливались на арене для турниров, и здесь в них вливали то, чего они добивались, — голубую кровь, кровь высшего класса; они по уши насыщались ею.

В конечном итоге такой лидер, первым примчавшийся к воротам, сам просил, чтобы их закрыли за ним, так как из-за шума толпы он не слышал, что говорят его новые друзья. И если аристократы с голубой кровью действовали умно, он вскоре уже давал своим детям имена Эмма и Филипп, Хью, Найджел или Хэмфри¹.

Ничто так не волнует англичанина, и без того являющегося представителем высшей расы, как возможность попасть в высший класс этой расы. Его природная скромность, конечно, не позволяет говорить об этом вслух; нельзя же ему самому всем объяснять, что он принадлежит к высшему классу. Поэтому можно ограничиться заявлением, что он не хуже всякого другого. А «другим» может быть и премьер-министр, и гофмейстер королевского двора, и двадцать восьмой герцог Суффолькский, и член королевской семьи. — в общем, делайте сами надлежащие выводы.

Твердое убеждение англичанина, что он не хуже всякого другого, помогло сохранить высший класс, а заодно и создать иллюзию бесклассовости.

«Да, мы все теперь равны», — говорит тот, кто еще недавно считал себя человеком из среднего или низшего класса. В это время он сидит за пинтой доброго пива в местном пабе и читает в вечерней газете сообщение, что его старый друг и бывший сосед («знал его всю жизнь») свернул себе шею во время игры в поло².

¹ Имена, распространенные среди английской знати.

² Игра в поло, требующая больших расходов и владения лошадьми, считается в Англии привилегией знати.

ДЭВИД ФРОСТ, ЭНТОНИ ДЖЕИ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

Вывод ясен: теперь только высший класс знает о существовании деления общества на классы; мы же все убеждены, что классовая система уничтожена. «Надеюсь, я могу не называть вас сэрмом?» — спрашивает рядовой член партии министра, официант — известного драматурга, паровозный машинист — директора национализированных железных дорог, лесник — миллионера, разбогатевшего на железном ломе. «Конечно, старина», — слышат они лаконичный ответ. Появившееся было ощущение неловкости исчезает. «В конце концов, — убеждает сам себя англичанин, — я такой же человек, как и он, ничуть не хуже, хотя и не играю в поло». После чего он отправляется в таверну играть в дартс¹.

Из сказанного понятно, что высший класс отнюдь не малочислен и не замкнут, более того, он постоянно растет. Чтобы держать большинство подалеже от своих рядов, он вынужден допускать в них избранное меньшинство, элиту. Если не говорить о тех, кто с рождения принадлежит к нему, высший класс готов принять, а если надо, то и силой затащить к себе всякого, кто отвечает трем основным условиям. Во-первых, вы обязаны доказать, что признаете существование высшего класса и его образ жизни. Во-вторых, у вас должны быть твердые взгляды на этот образ жизни — либо вы его одобряете, либо не одобряете, половинчатые взгляды недопустимы. В-третьих, всем должно быть совершенно ясно — поддерживаете ли вы полностью и безоговорочно высший класс или же открыто стараетесь подорвать его. Если вы отвечаете этим требованиям, вас примут в члены с испытательным сроком. Полноправным членом вы станете после того, как вам дадут несколько уроков реалистического отношения к жизни и исправят мелкие погрешности в вашем поведении. Не следует афишировать свою принадлежность к новому классу. Как и все, делайте вид, что он не существует.

Между прочим, нового члена, проходящего испытательный срок, можно узнать по жаргону. Если вы услышите, что кто-то с презрением говорит о низших ступенях общественной лестницы (с которых он только что поднялся) и употребляет такие выражения, как «средний потребитель», «массовая аудитория», «простой человек», «человек с улицы», как бы подчеркивая, что сам он не принадлежит к этим категориям, то будьте уверены — перед вами стажер высшего класса, изменивший свое поведение, но еще не научившийся говорить вполголоса.

Как же действует новая английская бесклассовая классовая система? Мы рассказали, как она сохранилась, но что она представляет собой на деле, что происходит в «новой» системе? Вчитайтесь в такое сообщение одной английской газеты: «Вчера вечером принцесса Маргарет² как обычный

пассажир первого класса отправилась ночным абердинским поездом с вокзала Кингс-Кросс в замок Балморэл¹. Такого рода заметка должна бы убедить иностранцев, что англичане — обычные, тихие люди. Но если ничего особенного не случилось, зачем нужно было печатать это сообщение? Кому и какое дело, что принцесса Маргарет поехала в Шотландию на поезде, ведь сотни других англичан ехали тем же поездом. Конечно, все дело в том, что принцесса Маргарет — если даже сама она считает иначе — является представительницей самой верхушки (королевской семьи) классовой системы, о которой мы ведем речь. Газета пыталась замазать сам факт существования системы словами: «как обычный пассажир первого класса».

Конечно, принцесса Маргарет не «обычный пассажир». Газета не станет упоминать имен пассажиров ни первого, ни второго класса только потому, что они ехали в поезде. Как бы принцесса Маргарет ни старалась, она не может ехать куда-либо или делать что-либо как «обычный» человек, по той простой причине, что она не обычный человек или пассажир. Она выдающийся человек. Выдающийся — согласно представлению англичан о классовой системе, — как и любой иной член королевской семьи. Это подтверждает фраза, содержащаяся в том же газетном сообщении: «Когда поезд тронулся, пассажирка Рода Вильямсон сказала: «Я не имела представления, что принцесса едет этим поездом. Теперь я не засну всю ночь».

Возьмем, к примеру, образование. Для английской системы образования обучение детей — только побочная задача. В основном же она служит ареной борьбы, где наши дети проводят первые раунды своих классовых битв, в которых позднее многим из них придется участвовать всерьез. Классовая разведка боем, именуемая экзаменами «одиннадцать плюс»², оказалась настолько жестокой, что вокруг нее разгорелись жаркие споры. Английских родителей не интересуют ни методы, которыми учат их детей, ни содержание их обучения. Поэтому, если бы экзамены «одиннадцать плюс» имели отношение только к самой системе образования, они волновали бы родителей не больше, чем ежегодное рентгеновское обследование легких или ног их детей. Но суть экзаменов совсем иная. От них зависит, останется ли ребенок в низшем классе общества или у него есть шанс перейти в высший класс. Скандал произошел не потому, что англичане осуждали сами экзаме-

¹ Поместье английских королей в Шотландии.

² Примерно в возрасте 11 лет английские дети должны проходить особый экзамен «одиннадцать плюс», состоящий из ряда тестов, которые якобы определяют способности ребенка. Выдержавшие экзамен принимаются в гимназию, которая открывает путь в университет; провалившиеся идут в обычные средние школы, которые не дают права на поступление в университет. Чаще всего экзамены выдерживают дети состоятельных родителей, занимавшиеся с репетиторами.

¹ Тяжелую стрелу бросают в пробковую мишень; эта игра — обязательная принадлежность каждого паба. Весьма популярна в рабочей среде.

² Младшая сестра королевы Елизаветы II.

ны, а потому, что дети сдавали их в слишком раннем возрасте. Провал на экзамене в одиннадцатилетнем возрасте означал, что ребенок не мог поступить в гимназию — огромное перерабатывающее предприятие, которое вбирало в себя массу детей низшего класса, а выпускало ничтожное число потенциальных претендентов на переход в высший класс.

Высший класс, с присущим ему здравым смыслом и любезностью, уступил спорную территорию, унеся с собой все ценности. Экзамены «одиннадцать плюс» обещают отменить; гимназиям угрожает полное вымирание. Наши дети будут получать бесклассовое образование в общеобразовательных школах¹. Их не затронет деление на высший и низший классы до юношеского возраста, когда им придется держать вступительные экзамены в университет.

Кое-кому даже эта уступка показалась унижительной и недопустимой. Читатель газеты «Йоркшир ивнинг пост» писал: «Не за горами время, когда дети станут такими образованными, что некому будет подметать улицы и выполнять иную важную, но плохо оплачиваемую работу. Посылайте детей на работу в четырнадцать лет (поменьше будет безнадзорных) и оставляйте в старших классах только самых способных учеников».

Итак, посылайте их на работу. Да, именно в промышленности наш высший класс показал, как он умеет защищать свои интересы. Наша промышленность — заводы, шахты, судоверфи и т. п. — была основана семьями из высшего класса, а работали в ней все, кто нуждался в корке хлеба. Существовали: «семья» (джентльмены) и рабочие (не джентльмены). Члены «семьи» работали в комнатах с пушистыми коврами, рабочие довольствовались холодным цементным полом; «семья» завтракала в теплом зале, рабочие жевали сэндвичи у станков; если рабочих увольняли, «семья» все равно получала дивиденды. После многих лет существования подобных порядков некоторые рабочие поняли, что их унижают и оскорбляют, и начали требовать изменений не только для себя, но и для других товарищей-рабочих. «Семья» сразу пошла им навстречу. Она предоставила этим людям менее утомительную работу — с гроссбухами и ведомостями — и разрешила тратить больше времени на разжевывание сэндвичей.

Возмущение угасло, чтобы снова вспыхнуть несколько десятков лет спустя. На этот раз высший класс (он, конечно, уже не состоял только из «семей») пошел на все и крепко прижал к своей груди рабочих лидеров. Теперь и у них конторы с пушистыми коврами и фикусами в кадках, хотя рабочие по-прежнему трудятся в цехах с цементными полами, стоя у своих станков;

¹ В Англии уже несколько лет дебатруется предложение о полном переходе на так называемые «общеобразовательные» школы, которые принимают детей без экзаменов «одиннадцать плюс», но открывают путь в университет. Это предложение встречено в штыки имущими классами, требующими сохранения гимназий.

теперь они сами едят в просторных столовых или дорогих ресторанах, а рабочие стоят в очереди в заводской столовке; а когда рабочих увольняют, эти продолжают ежемесячно получать свое жалованье. И больше никогда не выступают с требованиями каких-либо изменений. Их именуют теперь «администрацией». И они уверенно пробирают дорогу в ряды высшего класса.

Принадлежность англичанина к тому или иному классу трудно определить и по тому, как он пользуется правом голосования на выборах, которое много лет назад ему даровал высший класс. Он может принадлежать к высшему классу и голосовать за социалистов¹, принадлежать к низшему классу и отдавать голос консерваторам. Значительно легче угадать его классовую принадлежность, зная, в какую партию он вступил и на какую работает. Организация «Молодые консерваторы» намного сильнее «Молодых социалистов» и только потому, что она открывает путь из низшего класса в высший.

Почему же англичане лишь слегка «подправили» классовую систему, а не уничтожили ее совсем, как это сделали другие, вполне цивилизованные народы? Любопытно, что только в Англии человек может требовать в суде развода, обвиняя жену в «жестокости», выразившейся в том, что «среди ночи она разбудила его, ударила по голове и осыпала грубой руганью, напомнив при этом, что он родился и воспитывался в Клэпеме»². Причем все это не вызывает даже улыбки у судей.

Прежде всего классовая система очень удобна. Достаточно вам прочно утвердиться в рядах высшего класса, вести себя прилично, и тогда никакие мелкие неприятности, вроде сокращения доходов, не повлияют на ваш статус. Американцам, например, приходится много трудиться, чтобы увеличивать доходы и тем самым оставаться в своей социальной группе. Англичанина из высшего класса это не волнует; если он попал в этот класс, он может быть совершенно спокоен. Принадлежность к высшему классу определяется тем, кто этот человек, а не тем, что он делает. Он может быть абсолютно никчемным и неспособным, если оценивать способности человека с надлежащей точки зрения. Такую точку зрения хорошо выразил один из профсоюзных лидеров в интервью газете «Гардиан». Он отвергал обвинение в том, что профсоюзные лидеры потеряли контакт с профсоюзными массами, и заявил, что на самом деле это массы потеряли контакт с лидерами.

Но мы раса снобов, и перед нами открываются широкие перспективы. Сейчас куда больше шансов пробиться в высший класс. Ну, а как быть с неудачниками? У членов

¹ Социалистами именуют себя английские лейбористы.

² Клэпем — район Лондона, населенный в основном рабочими и низкооплачиваемыми служащими.

Д Э В И Д Ф Р О С Т, Э Н Т О Н И Д Ж Е И
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

низшего класса, которые провалились на жизненных экзаменах — не выдержали «одиннадцать плюс», не попали в организацию «Молодые консерваторы», не нажили кучи денег, не поднялись до уровня директоров,— все же остается «рыба с жареной картошкой»¹. Если они менее покорны и угнетены, чем их прадеды, то разве они не могут восстать и поднять такие широкие массы, чтобы высшему классу не удалось их ассимилировать?

Нет, этого не случится. Они англичане, а следовательно, им присуща основная черта сноба — постоянно чувствовать в душе, что ниже тебя есть еще хотя бы один слой людей, еще одна группа, к которой ты можешь относиться свысока.

Такая низшая группа должна неизбежно состоять из отверженных и париев. В течение столетий снобизм низшего класса англичан сохранялся благодаря тому, что по всему миру, по всей доблестной империи были разбросаны сограждане, которые преклоняли перед ним колена, так как он был белый, а затем склоняли и голову, так как он был англичанином. Он стоял выше другого. И был доволен.

Империя рухнула. Мы наблюдали робкие симптомы революции, когда низший класс с тревогой заметил, что он и впрямь оказался на самом низу общественной пирамиды. Но тут начали прибывать сотни тысяч людей, на которых он мог глядеть свысока в своей собственной стране. Приезжие брались за самую грязную черную работу, селились в страшных трущобах. Они были даже иного цвета, так что никто не мог бы принять их за представителей нашего низшего класса. Теперь они подвергаются незаслуженным унижениям и оскорблениям, которые обычно предназначались для отбросов общества,— они, дескать, грязны, ленивы, нечистоплотны, нахальны (то есть ведут себя так, будто нет никакого классового деления). Пройдет еще немного времени, и они будут окончательно осуждены. Если им удастся установить в своем доме ванну, их все равно обвинят, что они хранят в ней уголь.

Итак, империя оказывает последнюю и величайшую услугу метрополии из Тринидада и Барбадоса, из Индии и Африки она шлет своих сыновей спасать нашу классовую систему.

Родина демократии

Отовсюду, из разных стран стекаются люди, чтобы с благоговейным трепетом взглянуть из нее — мать парламентов, цитадель свободы, оплот совести, колыбель демократии. Именно здесь, как нигде в мире, на берегу прекрасной Темзы, может человек по настоящему дышать воздухом свободы.

¹ «Фиш энд чипс» — куски горячей жареной рыбы и картошки, которые продаются в специальных небольших лавчонках, где их по традиции отпускают обязательно в листе старой газеты. Своеобразный символ «народности».

Именно здесь—как поясняют приезжим,— в этом великом Парламенте, английский народ оберегает завоеванное им столетия назад право определять свою судьбу. Это могучий источник энергии; центр всех событий; образец конституций, признанных непригодными почти всеми независимыми странами Африки.

Почтительно и смиренно поднимается посетитель на галерею для публики. И что же он видит? Несколько полууснувших депутатов парламента, пытающихся внимать речи полубодрящего оратора, который время от времени замолкает, чтобы люди в опереточных штанах, париках и с кружевными манжетами могли совершить непостижимый обряд, внося и вынося церемониальные жезлы и побрякушки. О том, что «мать парламентов» — престарелая, точнее, совсем одряхлевшая леди, посетитель начинает догадываться с наступлением сумерек. Он замечает, как в темноте один из развалившихся на скамье депутатов расправляет затекшие члены и поднимается на ноги.

— Господин спикер,— жалобно произносит он,— я предлагаю внести свечи!

Сразу вспыхивает электрический свет. И посетитель уходит счастливый, что выполнил долг, но разочарованный, что в этот день не обсуждались более важные проблемы. Позднее он узнает, что билль об обязательном посещении заседаний депутатами палаты общин был принят тремя голосами против двух. Он может на мгновение заподозрить, что один из депутатов, которых он видел в палате, проголосовал дважды, но тут же — к счастью для Англии — отбросит эту мысль и будет по-прежнему придерживаться ошибочных и неразумных представлений, с которыми он вступил под своды Вестминстерского дворца.

Всякому понятно, что организации, где обсуждаются и решаются действительно важные вопросы, не следует походить на дикую помесь школьных уроков красноречия с заседанием масонской ложи. Но именно такая атмосфера царит в английском парламенте. Это один из тех английских институтов — вроде выноса парадных знамен, смены дворцового караула, церемониального выезда лорда-мэра, гусиной ярмарки в Ноттингеме и т. д. и т. п., — в которых форма сохранилась в церемониях, традициях и ритуалах, а содержание уже давно забыто: девять десятых всего, что происходит в Вестминстере,— это хорошо отрепетированное театральное представление. Как правило, депутаты произносят речи, зная, что они не окажут влияния ни на чьи убеждения или поступки, и думая только о том, чтобы из сообщений в местных газетах избиратели усвоили, что если их депутат и не всемогущ, то, по крайней мере, еще жив. Ткнув пальцем в страницы Гансарда¹, он может объяснить избирателям, как усердно он боролся против плана строительства электростанции на территории единственного в городе парка. Даже хваленый «час запросов» — это просто бок-

¹ Сборник протоколов парламентских заседаний.

серский бой с тенью, правила которого продуманы так, чтобы никто не пострадал. Это пантомима, во время которой депутат замахивается на министра бычьим пузырем на палке, а министр бьет депутата связкой сосисок. Выглядит это примерно так. Г-н Джеймс Дэмси (лейборист, Коутбридж и Эйрдри) делает запрос министру здравоохранения, собирается ли он, в интересах гигиены, принять меры для запрещения работы особ женского пола, носящих «топлесс»¹ на предприятиях питания, и не сделает ли он соответствующего заявления.

Г-н Сноу отвечает: в административных предписаниях о гигиенических правилах обращения с продуктами питания от 1960 года и без того содержится требование, чтобы лица, имеющие дело с продуктами питания, содержали в чистоте все те части тела, которые могут войти в соприкосновение с продуктами питания.

Парламент старается как можно эффективнее использовать час, отведенный для запросов, так как он является единственным — тоже весьма сомнительным — подтверждением его независимости. В остальное время депутаты становятся жертвами «лобби»²; партийная дисциплина не позволяет им отклонить или хотя бы дополнить законопроект, с которым они не согласны. Не удивительно, что наиболее талантливые депутаты начинают приходить в отчаяние от всей системы. В предвыборных речах они именуют себя стражами интересов народа. Но вскоре обнаруживают, что у них нет никаких возможностей (ни конторы, ни секретаря, ни помощников) всерьез контролировать деятельность исполнительной власти. Как от членов суверенной ассамблеи страны, от них требуется только одно — голосовать так, как им прикажут. Малейший признак неповиновения — и их отчитывают и отделяют под орех парламентские «хлысты»³. Серьезный намек на бунт — и им выплет хорошенько сам премьер-министр, предупредив, что собаке разрешается укусить хозяина только один раз и не больше. Случись это второй раз — партия откажется от поддержки на выборах кандидатуры провинившегося.

Депутаты разминают мускулы в час, отведенный для запросов, но как только прозвучит звонок, зовущий на голосование, они должны забыть приятное ощущение силы, которое породили мускульные упражнения, сделать вид, что вытирают пот со лба, и смиренно плестись за своим лидером. Их никто не просит решать, глупо или разумно принимаемое решение, хорош или плох поставленный на голосование законопроект. Выбирать они могут только между своей и другой партией.

¹ В 60-х годах в Англии появились рестораны, где официантки были обнажены до пояса. Такие «одеяния» называли «топлесс-дресс», то есть «платье без верха».

² Организованная форма давления на депутатов парламента с целью проведения определенного законопроекта или политического курса.

³ Назначаемые партийной фракцией в парламенте люди, следящие за дисциплиной депутатов от данной партии.

Партии изобрели столь хитроумную систему, что заднескамеечники не могут помешать принятию решения, если даже оно им не по душе, но предложено их собственным правительством. Если они сделают такую попытку, то предложение немедленно объявляется важным вопросом, требующим голосования доверия правительству. В этом случае заднескамеечникам приходится выбирать: или допустить, чтобы это конкретное предложение стало законом, или же согласиться на отставку правительства и объявление новых всеобщих выборов. А это значит расчистить путь к власти другой партии, а может быть, и самим потерять депутатские мандаты. Вот почему этого никогда не случалось — по крайней мере, в нынешнем веке.

И все же нельзя сказать, что парламент не служит никакой цели. Однако цель, которой служит парламент, — не интересы народа, а интересы его правителей. Для правительства парламент полезен как барьер между народом и Уайтхоллом¹. Он служит местом, где люди могут выговориться, отвести душу; трибуной, с которой можно метать гром и молнии, хотя толку от них очень мало. Бурные парламентские дебаты оказывают такое же влияние на течение событий в национальной жизни, как шумно захлопнутая дверь на исход семейной ссоры.

Парламент, как известно, состоит из двух палат: лордов и общин; но о палате лордов, собственно говоря, сказать нечего. У нее только две функции: распределять места в первых рядах во время коронации и печатать бланки для писем со штампом палаты лордов, на которых пэры пишут сердитые письма в «Таймс» и льстивые письма кредиторам. Правда, при решении крупных государственных проблем палата лордов имеет важное конституционное право заявить: «Да» или «Да, но не раньше, чем через несколько недель».

Кажется удивительным, как удается подобному институту вербовать своих членов без помощи обязательной воинской повинности. Но, во-первых, у депутата хорошее жалованье — 3 тысячи фунтов в год, а повезет, то и больше, особенно если он сговорчив и податлив. Во-вторых, парламентарии не утруждают себя работой. Хотя парламент постоянно требует, чтобы страна трудилась упорнее — его заседания начинаются только после обеда, депутаты не работают в субботу и воскресенье и три раза в год разъезжаются на каникулы. Помимо всего, парламент обладает той приманкой, которая влечет англичан к членству в муниципалитетах и различных комитетах, к должности секретарей клубов, — возможность занимать высокое положение, не принося никакой пользы и не особенно утруждая себя. Надо признать, что далеко не все

¹ Лондонская улица, где сосредоточены все министерства и наиболее важные государственные учреждения.

ДЭВИД ФРОСТ, ЭНТОНИ ДЖЕЙ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

депутаты возмущаются парламентским пустозвонством и церемониальной мишурой. Кое-кому это даже нравится, и они невозмутимо шагают по жизненному пути, вручают хромированные подсвечники победителям собачьих гонок и открывают местные торжественные церемонии, подменяя забытую о приглашении кинозвездочку или перепутавшую дату артистку телевидения.

Можно сказать, что такова участь большинства депутатов парламента. Их всего 630 человек, но после выборов только около двадцати депутатов займут высшие министерские посты и еще человек сорок получат сравнительно важные должности. Но как же подобрать этих шестьдесят человек?

Требуется исключительное мастерство, чтобы управлять сложным, высокоиндустриализированным западным государством с населением в пятьдесят с лишним миллионов человек, центром беспокойного Содружества Наций, главного участника запутанной сети договоров и пактов, контролировать международную валюту и крупнейший мировой банковский центр, защищать от жестоких конкурентов нашу судавиаавтомобилестроительную, электронную и машиностроительную промышленность, финансировать широчайшую систему здравоохранения, совершенствовать современную систему просвещения, которая позволила бы нам выдерживать соперничество с другими и в 70-х, и 80-х годах этого столетия. Требуется глубокое изучение искусства управления государством, упорный труд и многолетний опыт решения самых различных жизненных проблем.

Деятели, занимающие самые высокие посты, должны обладать государственной мудростью и знаниями; им должен быть гарантирован длительный срок пребывания у власти, что абсолютно необходимо для осуществления долговременных планов, для принятия важных решений и проведения переговоров, то есть всего того, что входит в обязанность любого руководителя крупнейшего предприятия.

Взгляните на бизнесменов, возглавляющих концерны «Империэл кэмикл индастрис», «Юниливер», «Стандард ойл» или «Дженерал моторс». Они прошли большую школу, привыкли решать сложнейшие проблемы, с успехом продвигались по служебной лестнице, пока, наконец, им не предложили занять кресла в зале заседаний директоров фирм. А теперь взгляните на тех, кто берется управлять значительно более крупным концерном — Соединенным Королевством.

Прежде всего выбор ограничен группой депутатов парламента от партии, пришедшей к власти. Это примерно четыреста человек, среди которых попадают очень юные и совсем старые, столичные снобы и дремучие провинциалы и, наконец, просто ограниченные люди. Сам подбор этих четырехсот депутатов — печальный фарс. Им занимаются партийные комитеты избирательных округов. Как сказал в сердцах один из министров: «Это наглые женщины в причудливых шляпках — у консерваторов, и ворчли-

вые мужчины в потрепанных макинтошах — у социалистов». Никто не знает, чем руководствуются комитеты при подборе кандидатов на выборах, но, честное слово, только по счастливой случайности они могут выбрать человека, способного участвовать в управлении государством! Мы же не поручаем Союзу матерей или Британскому легиону подбирать директоров фирмы «Куртолдс»¹! Но, к сожалению, именно так мы подбираем высших руководителей страны, ибо только за кандидатов, отобранных этими абсурдными комитетами, дозволено голосовать избирателю.

Бедняга кандидат достоин жалости. Назначение его кандидатом на выборах — фарс, его подготовка к государственной деятельности — комедия. Он побеждает на выборах; его партия приходит к власти. Если он попал в число шестидесяти привилегированных лиц, его сразу же возносят до ранга министра. В противном случае он становится заднескамеечником, и тогда его не допустят на пушечный выстрел к государственным делам. Он никого и ничего не контролирует, он не организатор, он не может отдавать приказы. Ему не разрешено учиться у других или хотя бы наблюдать, как они управляют государством, так как этот процесс проходит не в палате общин, а в министерствах на Уайтхолле. А там он совсем никому не нужен, даже на роли подмастерья или ученика. Он может только надеяться, что его назначат членом одной из многочисленных межпартийных делегаций, отправляющихся в веселое бесплатное турне за границу для «изучения методов управления государством» в какой-нибудь молодой независимой стране. Он не может отвязаться от мысли, что в любой момент — во всяком случае, не позднее чем через пять лет² — его могут вообще вышвырнуть из парламента, и тогда опять придется работать. Поэтому благоразумие подсказывает: старайся быть на виду у новых хозяев, заручайся их поддержкой, подражай им, но не теряй расположения и старых хозяев. Более предусмотрительный депутат не бросает прежнюю работу. По крайней мере, будучи депутатом парламента, он может заниматься и каким-то продуктивным трудом.

Предположим, что наконец наступил день, когда депутат, совершенно неподготовленный к государственной деятельности, «завоевал» успех и ему вручили министерский портфель. Например, его назначили министром здравоохранения. Это, действительно, важный административный пост. Министр несет ответственность за сотни больниц, тысячи поликлиник, десятки тысяч врачей и сестер, огромную фармацевтическую промышленность и жизненно важные научные исследования. Одним словом, ответственность за здоровье целого народа. С по-

¹ Одна из крупнейших промышленных монополий по производству искусственного волокна.

² Английский парламент избирается на пять лет, если только до этого срока правительство не падет или не назначит новые выборы, чтобы укрепить свое положение.

мощью прессы, которая любит приписывать достижения отдельным личностям, новый министр в первую же неделю обнаружит, что именно он — единственный зачинатель и инициатор всех широчайших планов, выполнение которых началось еще три года назад: «Законопроект Смита о больницах», «Программа Смита на будущее» и тому подобное. Через две недели Смит выяснит, что он несет ответственность за ошибки, совершенные другими много лет назад. Еще через месяц он и сам поверит во все это.

Допустим, что он все же не поддастся на лесть, понял, что о системе здравоохранения он имеет такое же представление, как и первый встречный на улице, и решил изучить ее. Самому талантливому администратору, если бы его ничем не отвлекали, понадобилось бы не меньше года, чтобы разобраться, как работает министерство, обнаружить недостатки и планировать его будущее. Даже в наиболее благоприятных условиях это было бы исключительно сложной задачей. Но наш министр работает в самых неблагоприятных условиях.

Он обязан ухаживать за своими избирателями, присутствовать на партийных собраниях, выступать по телевидению, беседовать с журналистами, ездить на доклад в Букингемский дворец, появляться на парадных обедах, принимать депутации врачей, сестер, пациентов, рентгенологов, аптекарей, владельцев фармацевтических заводов, фабрикантов медицинского оборудования, участников кампании борьбы против абортов и фанатиков фторирования воды. Он обязан торжественно открывать больницы, научно-исследовательские лаборатории, рентгеновские кабинеты, курсы медицинских сестер и поля орошения. Он обязан присутствовать на заседаниях правительственных комитетов, комитетов кабинета министров во время дебатов и запросов в парламенте. Если же, по счастливой случайности, у него окажется свободная минута, чтобы заняться делами министерства, раздастся громкий звук парламентского звонка¹, и он стремглав мчится в Вестминстерский дворец, чтобы принять участие в голосовании, скажем, по такой важнейшей «медицинской» проблеме, как национализация сталелитейной промышленности, и тем самым спасти свое правительство от неминуемого падения.

Вся система построена так, чтобы затруднить участие министра в управлении государством. Более того, его участие просто невозможно, потому что в министерстве существует так называемый постоянный секретарь². Он с почтительным внима-

¹ Парламентский звонок проведен во все дома и места работы депутатов, чтобы они могли немедленно явиться в палату общин, когда предполагается голосование по важным проблемам от которого зависит судьба правительства

² Постоянный секретарь — самая высшая административная должность. Фактически он является заместителем министра. Постоянный секретарь, как и все государственные чиновники, не может быть членом какой-либо партии, и на его положение не влияют смены правительств и министров.

нием выслушает планы и теории нового министра, а затем докажет на фактах и цифрах, что все предложения, которые не одобряют постоянный секретарь и его подчиненные, невозможно осуществить на практике. Да, скажет он, мы предлагали подряды на производство лекарств разным фирмам, чтобы выяснить, которая из них готова заплатить больше, но все они предложили одну и ту же сумму. Да, подобный план мы разработали еще четыре года назад, но профсоюз работников больниц не дал согласия на проведение его в жизнь. Да, мы хотели бы слить амбулатории с больницами, но местные муниципалитеты против, а у министерства нет права заставить их это сделать. Да, врачам следовало бы платить больше, но министерство финансов не дает денег. Да, мы изучали в 1960 году возможность модернизации психиатрических лечебниц, но по смете потребовалось 260 миллионов фунтов — конечно, в ценах 1960 года. Что? Вы хотите отменить плату за лекарства, отпускаемые по рецептам? Ну что же, тогда навсегда придется отказаться от всех остальных планов и программ. Только за счет этих средств удалось поднять зарплату врачей и сестер, а также отремонтировать больницы, построенные до 1900 года... Загнанный в тупик, новый министр убеждается, что постоянному секретарю известно буквально все: факты и цифры, все камни преткновения, прецеденты, ошибки прошлых лет, возможности. Ему известны все нужные люди, все обходные маневры. Только он знает, что следует делать, что невозможно и о чем не стоит даже мечтать. А если министр — по глупости — решит действовать через голову постоянного секретаря и обратится прямо к нижестоящим чиновникам, он увидит, что они отнюдь не заинтересованы в завоевании его расположения, так как министру не дано права найма или увольнения служащих. Через год или два он уйдет со своего поста. Постоянный секретарь останется на месте. Нетрудно догадаться, что может больше повредить карьере чиновника — недовольство министра или гнев постоянного секретаря. Одним словом, министр обнаруживает, что, хотя он и занимает высокий пост, власти у него никогда не будет.

И ему остается махнуть рукой на министерство и постараться проявить свои таланты в парламенте. Если это удастся, то даже в самом худшем случае, когда у него отберут министерский портфель, он может рассчитывать на пожизненный титул пэра или другую синекуру. В парламенте цель должна быть одна: беззастенчиво делать вид, что он прекрасно разбирается в проблемах, за решение которых формально несет ответственность. Ему следует научиться говорить вычурным и двусмысленным языком и не стесняться прибегать к обману. На помощь приходит специфический парламентский жаргон, придуманный именно для тех труд-

ДЭВИД ФРОСТ. ЭНТОНИ ДЖЕЙ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

ных случаев, когда надо говорить одно, а подразумевать совсем другое, а может, и вообще ничего не подразумевать. Это делается так: «Мой почтенный и высоко эрудированный друг с противоположной скамьи» означает на самом деле «Мой погрязший в пороках и невежественный враг»; «Не будем тратить время на бесполезные споры» значит «Вы правы»; «Я не отрицаю, что в определенных условиях, при благоприятных обстоятельствах это, хотя и маловероятно, но не совсем исключено» — «Черт возьми, вы совершенно правы!»; «Может быть, почтенный депутат не совсем понял меня» — «Я врал»; «Очевидно, я ослышался, когда говорил почтенный депутат» — «Он врал»; «Если требуют интересы нашей великой нации» — «Меня, наверное, уволят»; «Интересы моих избирателей» — «Меня уже уволили»; «Наша великая партия» — «Мне предложили пожизненный титул пэра». Вполне возможно, что Соединенное Королевство вообще не нуждается в правительстве. Достаточно приглядеться повнимательнее, и станет понятным, кто в действительности управляет страной.

Страной управляют старшие государственные чиновники. Они действительно прошли процесс строжайшего отбора, испытательный срок, период ученичества, имеют большой опыт в различных сферах административной деятельности, с каждым продвижением вверх на их плечи ложится все больше ответственности и власти. Изюм в день они практически участвуют в процессе управления государством. Какое правительство ни пришло бы к власти, какого политика ни дали бы им в качестве министра, они остаются на своем месте. Так, например, независимо от пребывания у власти того или иного правительства они следят, чтобы государственная финансовая политика оставалась единым, непрерывным процессом. Они прикидываются просто высокооплачиваемыми клерками и администраторами, смиренно и анонимно выполняющими приказы, проводящими в жизнь планы других людей. Они анонимны, это правда. Они не обязаны отчитываться перед народом, перед правительственными комитетами. Возможно, что они и впрямь смиренны. Но, так или иначе, они и есть наше правительство. Ибо сама система построена так, что это они принимают решения по долгосрочным проблемам и определяют политику на будущее, даже если под документами стоит подпись политического деятеля, а его довольная улыбка появляется на телевизионном экране.

Возникает вопрос: если чиновники управляют государством, то чем же занимаются политические деятели? Об этом, пожалуй, лучше всего говорят их привычки. Есть ли стране польза от их привычки постоянно пребывать на виду у публики, читать все виды газет и журналов, привычки приглашать к себе избирателей, прося без утайки рассказывать о своих бедах и жалобах, привычки следить за малейшими изменениями в настроениях общественного мнения, анализировать их и подыскивать «политиче-

ский курс», который учитывал бы эти изменения? Нужно откровенно сказать, что это не искусство управления государством, а искусство рекламы и обработки общественного мнения. Вот чем занимаются наши политические деятели: они служат рекламными агентами нашего подлинного, тайного правительства — чиновничества.

Пока все не полетело в тартарары, нам следует восстановить монархию, какой она была при королеве Елизавете I¹. Тогда сэр Уолтер Хит и сэр Фрэнсис Вильсон смогут продолжать свои рекламные трюки, только отныне с плащами, табакерками и низкими поклонами, а правительство Ее Величества будет — впервые за последние три с половиной столетия — твердой рукой успешно править страной. Боже, храни королеву!

Избирательная карусель

Нам предстоит разобраться еще в одном противоречивом явлении в жизни Англии. Речь идет о церемонии, именуемой всеобщими выборами. Мы уже знаем, что выборы не имеют никакого отношения к системе управления государством, так как чиновников не выбирают — их подбирают. Ничего общего не имеют выборы и с политикой. В противоположность тому, что воображают политические деятели и иностранцы, англичане не бормочут себе под нос, прогуливаясь по главной улице после выборов: «Ого-го-го! Я уже живу в новом обществе Гарольда Вильсона!» Переговариваясь с соседом через садовую изгородь, они не говорят ему: «Дела-то нынче пошли не так, как в былые дни при Алеке Дугласе-Хьюме, не правда ли?» Отмечаясь по приходе на работу, они не выкрикивают: «С сегодняшнего утра я иду за лейбористами!»

Жизнь меняется — даже в Англии, — но меняется постепенно и совершенно не считаясь с политическими деятелями. Появление в продаже свежемороженых овощей и бройлеров оказало больше влияния на нашу жизнь, чем деятельность всех кабинетов министров послевоенного периода, вместе взятых. Многие чаще всего вспоминают знаменитые «100 дней Гарольда Вильсона²» потому, что в это время появились пишущие ручки с фетровыми стерженьками. Это, действительно, был серьезный сдвиг вперед. А победа Англии в мировом футбольном чемпионате произвела на всех нас гораздо большее впечатление, чем победа лейбористов на всеобщих выборах.

Неразберихе в наших впечатлениях от выборов в значительной степени способст-

¹ Правила с 1558 по 1603 год. Далее автор иронически сравнивает Эдварда Хита с Уолтером Ралеем, а Гарольда Вильсона с Фрэнсисом Дрейком. Ралей — государственный деятель, Дрейк — мореплаватель и пират, оба — приближенные Елизаветы I.

² Примерно через 100 дней после выборов 1964 года, приведших к власти лейбористов, газеты подводили первые итоги деятельности правительства Г. Вильсона, наименовав их по аналогии с эпохой Наполеона — «100 дней Вильсона».

вуют отчеты о них политических журналистов и комментарии ученых-социологов. Они обязаны убеждать народ, что государственная политика в области обороны, финансов или просвещения сразу изменится, как только будет избрана одна группа политических деятелей, а не другая. Достаточно поразмыслить в течение двух минут о реальных фактах нашей повседневной жизни и убедиться, что этой басне верят только сами политические деятели и журналисты. Действительно, пятьдесят миллионов человек не согласятся без всякой причины переносить судорожное и нервное напряжение всеобщих выборов. Англичане не сумасшедшие. Они не станут тратить время и энергию на какую-нибудь чепуху. Ключом к их представлению о выборах в какой-то мере может служить следующая заметка в газете «Санди миррор»:

«Ночной клуб «Пигаль» тоже займется политикой в ночь подсчета голосов на всеобщих выборах. На сцене появятся хористки, единственным одеянием которых будут синие, красные и оранжевые розетки¹. Каждый раз, как радио сообщит о потере парламентского мандата консерватором, лейбористом или либералом, будет сброшена розетка соответствующего цвета».

Итак, что это вам напоминает? В частности, специально подобранные девушки. Прекрасные, но недостижимые. Целомудренные и чистые; по мере того как ночь вступает в свои права, они разжигают нарастающие страсти, освобождая себя от символических кусков шелка, защищающих их девственное тело от поклоняющейся толпы. А затем кульминационный момент: снята и отброшена последняя розетка! Девственное тело подвергается надруганию и насилию (конечно, только символически, ибо англичане не предаются разнузданным оргиям), и толпа, измученная и в то же время освеженная, идет заниматься своими делами. Каждому кажется, что он стал как-то чище и лучше.

Это напоминает примитивный религиозный праздник. Только потому, что английские выборы и есть примитивный религиозный праздник.

Предвыборному периоду, когда с телевизионных экранов исчезают самые интересные программы и взамен предлагаются чудовищно скучные предвыборные передачи, можно найти аналогию в большинстве религий. Это первобытный обряд самоотречения и очищения, когда люди превращаются в аскетов и стараются загладить грехи, которым они предавались в течение года. Христиане называют его великим постом, евреи — пасхой, мусульмане — рамаданом. В конце поста религия предусматривает обильный пир. У христиан — пасха, у евреев — последний пасхальный день, у мусульман — аль-фитр и т. п. У англичан — это ночь всеобщих выборов, когда заканчиваются отвратительные ханжеские передачи и люди до глубокой ночи едят, пьют и на-

¹ Символические цвета политических партий: синий — консерваторов, красный — лейбористов, оранжевый — либералов.

слаждаются падением тех, кого совсем недавно они сами избрали могучими правителями.

Этнографы могут подтвердить, что у последователей многих религий есть своего рода шуточный король, герой-шут, которого племя во время специального обряда торжественно чествует, венчает, а затем уничтожает. Фесте из «Двенадцатой ночи», представляющий собой средневекового английского «Главу пира дураков», вероятно, потомок этих древних шутов. Маколой описывал «жреца древнего Рима, который умерщвлял палача, а затем сам подвергался казни». Обычно это был раб, живший в священной роще; он становился жрецом-королем, убивал своего предшественника, а затем самого жреца умерщвлял его преемник. Обряд искупления грехов был широко распространен в древнем мире.

Ученые пандиты и социологи обеспокоены тем, что Англия вроде бы идет по пути к «президентскому правлению». Они утверждают, что нам следует больше думать о политике и партиях, а не поднимать на щит отдельные личности. И все же в нашем представлении выборы — это Вильсон против Хита. Это объяснимо: нам нужен шуточный король, приношение в жертву человека, а не абстрактных идей или анонимных групп. Шуточный король должен служить козлом отпущения. На него племя сваливает все свои грехи. Во время выборов мы решаем, кто будет нашим шуточным королем, нашим ритуальным козлом отпущения на ближайшие пять лет. Тогда англичане могут утверждать, что совершенные ими ошибки на самом деле были ошибками ритуального шуточного короля. На него легко свалить ответственность за все неполадки, вызванные плохой работой директоров заводов, трусливых чиновников, глупых генералов и бюрократившихся местных муниципалитетов.

Во время предвыборной кампании потенциальные козлы отпущения отдают себя на растерзание народу, который подвергает их более или менее мучительным испытаниям и определяет, чего они стоят. С течением времени выработались особые методы испытаний. Прежде всего метод издевательства, когда здоровые молодые джентльмены тычут и колют кандидата в шуточные короли, а тот извивается от боли. Он должен проявить выносливость и стойкость, иначе боги сочтут его недостойным приношения в жертву. Мы, англичане, именуем этот метод издевательства «беспристрастным телевизионным интервью». Каждый претендент должен перед лицом всего населения (или тех жителей Англии, которых интересует эта часть ритуала) отвечать на самые наглые и ядовитые вопросы, терпеть грубейшие насмешки. Причем шуточный король должен делать вид, что он воспринимает вопросы совершенно серьезно. Это отнюдь не значит, что он обязан всерьез от-

ДЭВИД ФРОСТ, ЭНТОНИ ДЖЕЙ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

вечать на них, но теряться ему нельзя, тем более что он всегда может воспользоваться одной из семи магических формул, разработанных в процессе совершенствования предвыборного обряда.

Как ответить на самый, самый острый вопрос, который действительно затрагивает суть проблемы? Претендент должен уметь уничтожить сам вопрос: «Этот вопрос вызван смешением понятий. В действительности мы имеем здесь две различные проблемы. Первая из них...» Тут он сам придумывает вопрос, на который ему хотелось бы ответить. Можно воспользоваться и другим, не столь прямым вариантом: «Это очень интересный вопрос, и я благодарен, что вы задали его мне. Разрешите мне ответить, задав вам вопрос»... Шуточный король обязан доказать, что его не собьешь никакими острыми вопросами, а затем перейти к проблеме, которой он не опасается.

Он должен уметь уничтожить того, кто задает вопрос: «Скажите, молодой человек, приходилось ли вам вести переговоры от имени двух миллионов человек? Нет, не приходилось. Так вот, разрешите сказать вам...» Такая способность раздуваться до нелепых размеров совершенно обязательна при исполнении этого обряда.

Он должен уметь разрядить вопрос. Когда вопрос содержит в себе предположение или утверждение, необходимо отвлечься от самого вопроса и поставить под сомнение утверждение. Если мучитель говорит: «Многие утверждают, что вы совершили ошибку при...» — то правильно ответить так: «Кто утверждает это? Кто эти люди? Назовите мне хотя бы десять имен!» Мучитель в этом случае старается сразу перейти к другой теме.

Он должен доказать, что его нелегко сбить с толку: «Знаете ли, я пришел к выводу, что не могу согласиться с вашим предложением о том, как мне следовало бы ответить на этот вопрос, то есть с предложением, которое вы сделали, когда мы говорили на эту тему несколько ранее. В действительности же вопрос заключается...» Таким образом, на какой-то миг он ставит инквизитора на свое место претендента на пост шуточного короля, а затем одним ударом сбивает его с ног.

Он должен уметь затягивать время: «Это очень интересный вопрос, и в ответ мне хотелось бы затронуть девять важных пунктов». Ясно, что на девять пунктов времени не хватит, и мучителю приходится бросить реплику: «Может быть, вы ограничитесь тремя наиболее важными пунктами?»—и тогда уже шуточный король заявляет совершенно серьезно: «Нет, это слишком важный вопрос, чтобы отделаться поверхностными замечаниями. Если мне нельзя дать исчерпывающий ответ, я предпочитаю не отвечать вообще...»

Он должен уметь намекнуть на необходимость секретности: «На этот вопрос можно было бы дать исчерпывающий ответ, но он затрагивает те

самые проблемы, которые в настоящий момент обсуждаются весьма конфиденциально. Боюсь, что я еще недели две не смогу говорить на эту тему».

Наконец, он должен уметь искать спасения в длительном бессмысленном разговоре: «Видите ли, когда много лет назад — трудно даже вспомнить, сколько лет прошло с тех пор,— я впервые начал общественную деятельность, жена сказала мне — то есть она еще не была моей женой. Нет, нет, это было очень, очень давно. Мы оба с ней были избраны тогда членами муниципалитета городского округа Уорпледен. Тогда, как ни странно, возник примерно такой же вопрос, что вы задали мне сейчас. Конечно, не в таком широком масштабе. Но принцип был тот же. Как вы знаете, принципы не меняются, и я с удовлетворением констатирую, что мои принципы никогда не менялись. Точно так же и у моей жены. Во всяком случае...» Если он настоящий шуточный король, то подобная способность затягивать время поможет ему как-нибудь связать конец своей бессвязной речи с заданным вопросом.

За издевательством следует спектакль. Шуточному королю полагается провести крайне серьезное и официальное сольное представление перед телевизионными зрителями и убедить их, что он выглядит и ведет себя как настоящий король. Он обязан пользоваться определенными ритуальными фразами, вроде «Англия ожидает... Впереди трудные времена... Дух Дюнкерка... Вперед, в Европу», демонстрировать магические знаки, именуемые диаграммами, и всерьез делать вид, что он способен за пять минут разъяснить сложнейшие финансовые и экономические проблемы. Все время, пока он ораторствует, люди у себя дома до упаду хохочут над ним, делают грубые жесты и скабрзные замечания. Он хорошо знает, что это происходит в миллионах домов, но сохраняет полную невозмутимость. Таков электронный вариант старинной дыбы и позорного столба. В наши дни каждому кандидату в шуточные короли подсовывают одни и те же факты, одни и те же заранее заготовленные кадры из телевизионных фильмов. Он должен умело воспользоваться ими, чтобы разбудить совесть согрешившего племени и убедить его, что именно он будет самой лучшей искупительной жертвой. Кадры из фильмов показывают играющих детишек, медицинских сестер в больницах, дымящиеся трубы заводов, дома без теплых уборовных.

Правящему шуточному королю надлежит говорить: «Наши дети никогда не были такими крепкими... Наш народ никогда не был таким здоровым... Мы никогда не были богаче, чем сейчас... У нас никогда не было так мало трущоб...»

А тот, кто хочет свалить короля, должен говорить: «Нашим детям остается только играть на улицах, так как не хватает школьных зданий... Медицинские сестры

начнут бастовать, если мы не повысим им зарплату, и тогда, в случае болезни, никому будет ухаживать за нами... Этот дым загрязняет атмосферу и несет с собой рак легких... Я дам каждой семье в ее собственность хороший уютный дом...»

Наслушавшись речей, англичане начинают оценивать свое собственное поведение. Если им кажется, что при правящем шуточном короле они вели себя хорошо, то они снова избирают его. Если, по их убеждению, они много грешили, то выбирают одного из его соперников. Если, идет дождь, то им вообще наплевать на всех кандидатов в шуточные короли: подумать только, не могли договориться и назначить выборы на погожий день — значит, все они просто клоуны. Затем англичане с нетерпением ждут предстоящего праздника, когда объявят результаты голосования и когда избранный шуточный король, со свитой из скоморохов и фигляров, начнет шутя рассказывать о том, как он будет пользоваться дарованной ему «властью». Победившего шуточного короля везут в Букингемский дворец, где он целует руку настоящего монарха.

Это сигнал к окончанию празднества, и немедленно прекращаются насмешки и шутки. Отныне к шуточному королю относятся так, будто он и впрямь король. Ему разрешается назначить придворными шутами самых преданных друзей. Каждый из них служит особому богу — богу денег, войны или чумы, — у каждого есть свой храм, своя ритуальная колесница (черные «хамберы», чуть-чуть напоминающие «дэмлеры» и «кадиллаки», которыми пользуются настоящие монархи, но, упаси бог, не очень похожие на них). Им предоставляют большие пустые комнаты для кабинетов, а настоящие правители, то есть чиновники, делают вид, что советуются с ними по важнейшим государственным делам и что приказы будто и впрямь исходят от шуточного короля и его придворных.

Если придворный шут окажется неспособным умиротворить бога, которому он обязан служить, его приносят в жертву и назначают другого. Если разгневаются сразу все боги, то в ярость приходит и сам Великий бог, и тогда устраивается торжественное ритуальное приношение в жертву всех придворных шутов и самого шуточного короля, причем этот обряд называется «падением правительства».

Имя Великого бога — Демократия. Поклонение ему — это официальная государственная религия. Наши подлинные правители не верят в него, но подогревают нашу веру, даря нам магический — как они утверждают — амулет, именуемый «правом голосования на выборах».

Нужны огромные средства на содержание Великого бога, подлинных правителей и двора шуточного короля. Поэтому наши правители изобрели особые, шуточные деньги, которыми оплачивают эти расходы. Они называются «общественными деньгами» и не имеют никакого отношения к

деньгам, принадлежащим отдельным членам общества.

Деньги, принадлежащие обычному человеку, бывают двух видов: карманные деньги и деньги в чеках. Карманные деньги — это нечто реальное. Их приятно держать в руках. Они хороши на ощупь. Они тяжелые или хрустящие. Они звенят или шуршат. Получать их — одно удовольствие. Расставаться с ними — подлинное горе. Вы получаете их после недели тяжелого труда; ради них вы соглашаетесь подчиняться другим людям и дисциплине. Деньги исчезают за прилавком магазинов и в кассах. Не успеешь получить деньги, как их уже нет. Их можно хранить в чулке или под подушкой, вообще, где вам заблагорассудится. Но самое приятное, это знать, что они ваши.

Деньги в чеках менее реальны, чем карманные деньги. Расплата чеком не так болезненна, как наличными деньгами. Как ни странно, всегда чувствуешь себя увереннее с пятидесятифунтовой пачкой в кармане, чем с двухсотфунтовым счетом в банке. Нереальность чека особенно ясно ощущается, когда в магазине покупаешь вещь стоимостью в десять фунтов, а затем выписываешь чек. Если хозяин магазина не знает тебя, он попросит написать на обороте чека твой адрес. Он руководствуется странной теорией, что ты можешь подделывать свою фамилию, но никак не адрес. Можно спокойно написать на чеке: «Герцог Норфолькский», но на обороте обязательно надо написать «Рэйлуэй каттингс, № 3»¹.

Однако когда мы вступаем в сферу денег, которыми ведают наши правители, то есть «общественных денег», мы видим, что они не имеют ничего общего с деньгами самого народа. «Общественные деньги» не имеют отношения к реальному миру труда, забот или выпивки в пабе. Министерство финансов говорит о годовом доходе в тысячи миллионов фунтов, но на Уайтхолле ничего не производят и ничего не продают. «Общественные деньги» — это не вознаграждение за труд; они кружатся в воздухе словно снежинки. Государственные чиновники (они, как и все, живут на карманные деньги или деньги в чеках) подсчитывают и собирают «общественные деньги» так, будто они играют в монополию² — игру, в которой только им дозволено орудовать кучей бумажек, изображающих фунты стерлингов, потому что никто больше не знает правил этой игры.

«Общественные деньги» неистощимы. Если у Уайтхолла их не хватает, он про-

¹ Нечто вроде: «Привокзальный тупик, дом 3».

² Популярная настольная игра, участники которой получают определенные суммы «денег», скупают и перепродают «дома» и «земельные участки», спекулируют ими. Основная цель в игре — отнять все «деньги» у противников.

ДЭВИД ФРОСТ, ЭНТОНИ ДЖЕИ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

сто требует еще. Многие планы Уайтхолла, если бы он имел дело с наличными деньгами или чеками, довели бы его до банкротства. Но с «общественными деньгами» немисливо банкротство — только просчет или недооценка. За просчет с карманными деньгами или чеками расплачиваются нищетою или даже тюремным заключением; наказание за просчет с «общественными деньгами» сводится к переводу виновника в другой департамент, где он балуется с меньшей суммой «общественных денег». Самое тяжелое наказание сводится к тому, что в этом году он не попадет в новогодний список награжденных или вместо ордена Британской Империи 2-й степени ему дадут орден Британской Империи 4-й степени.

Вся прелесть расходования «общественных денег» заключается в том, что никто, кроме чиновников, не представляет себе конкретно размеров сумм, с которыми приходится иметь дело. Обычному человеку цифра в 100 000 000 фунтов стерлингов кажется чем-то абстрактным. Однако комитет из государственных чиновников может разделить ее на несколько частей, удвоить ее, признать недостаточной, потребовать эту сумму от Банка Англии или, наконец, израсходовать ее на то, чтобы ставить на каждое яйцо штамп с изображением маленьких львов и утверждать, что этим утром они хорошо поработали¹. Затем они займутся чем-нибудь более важным, вроде дела Полины Гау, которое было связано с проблемой «общественных денег» и несколько лет назад поставило в тупик министерство просвещения. Полина жила в пяти с половиной милях от школы. Вполне естественно, что там же и в том же доме жила Шейла Гау — сестра Полины. Согласно правилам расходования «общественных денег», если в данном месте не проходит автобус и ребенку всего семь лет, школа может оплачивать такси, которое доставляло бы утром Шейлу на занятия, а после уроков домой. Но согласно тем же правилам, не разрешается добавить к этому расходу несколько пенсов, чтобы Полина могла ездить вместе с сестрой. Сестра должна ходить пешком. Потому что ей уже восемь лет. Речь шла о расходовании пары медяков. Вопрос обсуждался и дебатировался долгие месяцы.

В данном случае размеры расходов всем понятны, но что такое расход в 2 000 000 000 фунтов на оборону? Как же, черт подери, выглядит эта сумма? Дело в том, что никто не хватится этих «общественных денег»; никто не заметит, что они исчезли из его бумажника. Вот поэтому никому до них нет никакого дела.

И все же кто-то получает выгоду от операций с этими колоссальными суммами

¹ Намек на хорошо известную телевизионную рекламу государственной организации, торгующей яйцами. На яйцах действительно ставится подобный штамп, а актер, ведущий рекламу, говорит: «Отправляясь утром на работу, обязательно съешьте одно яичко!»

«общественных денег». Мы не хотим сказать, что государственные чиновники набивают себе карманы, так как в личном плане они безупречно честны. И конечно, управление государством нельзя назвать прибыльным бизнесом, как то было при старомодном капитализме. Однако мы перешли из эры старомодного капитализма в новую эпоху менеджизма, и хотя на государственной службе нет капиталистов, там существует целая армия менеджеров.

Лучшее удовольствие для менеджера — прибрать к рукам самую интересную работу и все, что поднимает престиж его департамента, а другим департаментам отдать что похуже. Он мечтает о более высоком чине, о втором личном секретаре, об изысканных обедах со льстивыми магнатами, которым нужны «общественные деньги» на расширение бизнеса, о новых отрядах почтительных подчиненных. Поэтому государственный административный аппарат требует создания все новых отделов, новых департаментов и даже новых министерств, зная, что на эту приманку клюнет и парламент, и политические деятели.

На Уайтхолле никогда не говорят: «Сколько денег нам нужно и где мы их достанем?» Там говорят: «Сколько денег мы можем достать и что мы с ними будем делать?» Уайтхолл, следуя примеру других, неуклонно разрастается. Если взглянуть на штаты, расходы и ведомости зарплаты государственного аппарата, то станет ясно, что это одна из наиболее быстро растущих отраслей нашего хозяйства.

Англичане постоянно обвиняют правительство в расточительстве и мотовстве. Но достаточно заглянуть в любое государственное учреждение, чтобы убедиться, что наша администрация не купается в роскоши. Самая дешевая и неудобная мебель, отвратительные столовые и буфеты, навевающие тоску унылые комнаты для ожидающих посетителей. Вдове, живущей на государственное пособие, не дадут дополнительно и шиллинга, чтобы она выпила лишнюю чашку кофе и съела лишнюю булочку; инвалиду-пенсионеру не поставят удобного кресла в приемной государственной больницы. Казалось бы, не упрекнешь правительство в мотовстве. Но одновременно с этим создаются никому не нужные учреждения, назначаются главы департаментов, которым едва по силам заведовать отделами, заведующие отделами, которые способны быть лишь столоничальниками; три департамента выполняют работу, с которой справился бы один департамент; разрабатываются проекты, которые диктуются не потребностями государства, а прихотью министра. Это именуется «прогрессом».

Одно из министерств поручило высокопоставленному чиновнику разработать предложения по сокращению штатов и ненужных отделов. Он с готовностью согласился выполнить задание, но добавил: «Для начала мне понадобится еще один кабинет, три помощника и четырнадцать секретарей».

Преступления и наказания

Для того чтобы узнать англичан, нужно обязательно понять характер их юридической системы и характер самой преступности в стране. И то и другое, конечно, тесно связано между собой, но несколько иначе, чем в других странах. После 1964 года при разговорах о преступности в Англии неизбежно вспоминают «великое ограбление почтового поезда», когда были похищены два с половиной миллиона фунтов стерлингов. Хорошо известно, что если уж англичане возьмутся всерьез за что-нибудь — в том числе за борьбу с бандитизмом, — они всегда добьются сногсшибательных результатов. Так что преступление 1964 года, пожалуй, не настолько типично, чтобы делать выводы об их отношении к закону и законности. Лучше взять в качестве примера широко распространенное преступление, которое повсюду осуждается, о котором имеет четкое представление любой человек. Мы имеем в виду пьянство и нарушение общественного порядка.

Вот мелкий случай пьянства, о котором писала газета «Уокинг геральд». Мировому судье доложили, что самое убедительное доказательство вины подсудимого заключается в том, что во время врачебного освидетельствования на предмет установления опьянения его попросили стиснуть зубы, «в ответ на что обвиняемый вынул зубы, подал их полицейскому врачу и сказал: «Нате, попробуйте сами стиснуть!»

Наверное, большинство скажет, что человек, осмелившийся сделать столь безобразное, провокационное замечание полицейскому врачу, да еще в полицейском участке, либо был безнадежно пьян, или же он опасный революционер. В любой другой стране слова «Нате, попробуйте сами стиснуть!» были бы достаточным поводом для осуждения виновного. Остается вынести приговор и закрыть дело.

Но только не в Англии! Возможно, что это было остроумное замечание. Оно было несомненно дерзким. Но достаточно ли этого для доказательства опьянения? Ни в коем случае. Англичанину дозволены подобные вольности. Тем не менее суд признал этого человека виновным. Но только потому, что английские судьи не могут даже представить себе, чтобы трезвый англичанин совершил подобный поступок. Это была безобразная, вызывающая выходка, а значит, он был абсолютно пьян. Вытащив при всех вставную челюсть, он как бы демонстративно показал, что принадлежит к низшему классу.

Постараемся разъяснить эту мысль. Сама принадлежность к низшему классу не является нарушением закона. Но английский закон исходит из предположения, что преступления совершают люди из низшего класса, и если у суда достаточно доказательств принадлежности обвиняемого к низшему классу, можно считать, что обвинение почти выиграло дело. В упомянутом

выше случае прокурор холодно заметил, что обвиняемый своими собственными устами вынес себе приговор.

Более или менее обобщенное определение преступления в Англии звучит так: поведение низшего класса, которое вызывает неудовольствие высшего класса. Преступления совершает низший класс, а наказывает за них высший класс. Принципы уголовного права и деятельности уголовных судов заключаются в том, чтобы высший класс мог поставить на место низший класс. Отсюда хорошо известное у нас выражение: «преступный класс». Вот к кому это относится. Один из высоких полицейских чинов заявил, что подчиненный ему детектив не годится для работы в районе Мэйфэр¹, «но он чувствует себя в своей стихии, имея дело с преступниками из низшего класса, орудующими в Сохо»². Итак, подразумевается, что существует различие между преступностью высшего и низшего классов. Так оно и есть. Представители высших классов возбуждают друг против друга судебное дело за клевету. Представители низших классов бьют друг друга физиономию в пабе, после чего их судят за нарушение общественного порядка. Высшие классы получают в суде разводы. Низшим классам дают пять лет тюрьмы за двоеженство. Если человек из низшего класса прижмет другого к стене и даст ему взбучку, это назовут оскорблением действием. Если то же самое сделает человек из высшего класса, это поименуют игрой в «итонскую стенку»³.

Достаточно несколько раз побывать в судах и прислушаться к вежливой, уверенной, присущей высшему классу, речи судей и адвокатов, а затем к местным диалектам запинаящихся, малограмотных обвиняемых, и вы поймете, что главная задача наших судов — преподать надлежащий урок низшему классу. Так, с североанглийским акцентом может говорить любой миллионер — это считается приемлемым, — но только не судья.

Воспитание, образование, профессиональная подготовка и образ жизни людей, заседающих в наших судах (большой частью пожилых мужчин в маскарадных одеяниях), преследуют единственную цель — изолировать их от тех эмоций, забот и реальных фактов, которые составляют жизнь девяти десятых людей, предстающих перед ними в суде. У них фантастические представления о жизни. Большая их часть

¹ Один из самых богатых и фешенебельных районов центрального Лондона.

² Район Лондона, где расположено большинство злачных мест города — ночные клубы, кабачки, стриптизы, кинотеатры порнографических фильмов, тайные игорные дома и т. п.

³ Итон — одна из наиболее дорогих привилегированных школ, в основном для детей аристократии.

ДЭВИД ФРОСТ, ЭНТОНИ ДЖЕИ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

утратила всякий контакт с реальностью. «Скажите, ради бога, кто такие битлы?» — спрашивает судья, и адвокат отвечает: «Насколько мне известно, это современное общество хорового пения, милорд». А чего стоит прокурор, который во время суда над издателями книги «Любовник леди Чаттерлей»¹ задал присяжным заседателям классический вопрос: «Разрешили бы вы читать подобную книгу вашим слугам?» Или лорд Мэнсфилд, главный судья графства Пертшир, который заявил: «Я бы хотел, чтобы с нарушителями закона обращались более сурово. Неплохо было бы ввести опять колесо, которое в старину крутили прикованные к нему заключенные». Конечно, он не имел в виду, что вокруг тяжелого колеса будут топтаться изможденные аристократы. Он требовал более сурового обхождения с низшими классами. Иногда низшие классы поступают так нехорошо, что просто вынуждают суды наказывать их. Выслушав женщину, обвинявшую мужа в том, что он ее побил, мировой судья в графстве Эссекс отклонил жалобу, заявив: «У некоторых классов считается совершенно нормальным, что женщине иногда дают пощечину или бьют ее. Это обычные издержки семейной жизни».

Имея дело с низшими классами, судьи стараются исправлять их поведение: «Мой долг, молодой человек, преподать вам урок и заставить вести себя пристойно. Итак, 99 лет заключения...»

Вот они, наши судьи: за холодной, суровой, бесстрастной внешней оболочкой бьется холодное, суровое, бесстрастное сердце. Как и некоторые помещики, в глаза не выдавшие своих земель, судьи и барристеры² черпают средства к своему существованию на полях жизненного опыта, которых они и не видели; на полях, обрабатываемых людьми, чувства и заботы которых им совершенно чужды. Будь это иначе, они не могли бы выполнять свои обязанности в суде. Поэтому они превращают суд в театральное представление со сценой, с режиссерами и актерами в костюмах прошлых веков. У них, как и у всех представителей гуманитарных профессий Англии, есть важное преимущество — только они сами могут устанавливать правила, которыми руководствуется их профессия. Они похожи на врачей, но на таких врачей, которые получили право изобретать болезни.

Особое значение это имеет для гражданского права, то есть деятельности, обогащающей наших юристов. Они придумали такие хитрые правила, которые сумму судебных расходов ставят в прямую зависимость от суммы судебного иска. Не так

¹ Роман известного английского писателя Д. Г. Лоуренса (1885—1930). Был устроен суд над издателями романа как якобы порнографического. Это вызвало возмущение английской интеллигенции, и суд отклонил предъявленное обвинение.

² Барристер — высшее звание адвоката в Англии.

давно счет юристов за судебное разбирательство дела по поводу земельного участка ценой в два с половиной миллиона фунтов составил 100 тысяч фунтов. Нет сомнения, если бы участок стоил только две с половиной тысячи фунтов, судебное разбирательство оказалось бы проще, так как на нем много не заработать. Существует пункт, согласно которому гонорар юриста при покупке дома увеличивается в зависимости от стоимости дома. Мы, англичане, знаем, что если нам нужна юридическая помощь, нет смысла спрашивать о гонораре у трех или четырех различных юристов, как мы это делаем, нанимая декоратора, водопроводчика или маляра для работы в своем доме. Можно сказать телевизионному технику, что мастерская за углом выполняет ту же работу дешевле, но этого нельзя говорить нашим юристам. Во-первых, юрист за углом не сделает работу дешевле, а во-вторых, мы имеем дело с представителями высшего класса. Все, что они говорят, — неоспоримо. Как сердито заметил судья свидетелю, который принимал присягу, не вынув руки из кармана: «Запомните, голубчик, что вы обращаетесь к Всевышнему и к судье Верховного суда».

Хотя законы Англии помогают охранять высший класс и вылавливать правонарушителей из низшего класса, сеть закона сплетена не настолько совершенно, чтобы иногда в нее не попадались и люди из высшего класса. Но если один и тот же закон слишком часто ловит представителей высшего класса, то такой закон изменяют.

Высший класс мало волнует вопрос, справедлив или несправедлив тот или иной закон. Он обеспокоен тем, что в результате неосторожных действий в тюрьму могут угодить вполне «приличные люди». Если же закон нельзя изменить, если он все же ведет к задержанию некоторых представителей высшего класса, то такой закон (который, по словам Анатоля Франса, «с изумительной беспристрастностью запрещает как богатым, так и бедным красть хлеб и спать под мостами») предусматривает разные наказания для разных людей. Например, за нарушение закона о правилах вождения автомашин под суд попадают и многие представители высшего класса. Нарушителям предлагается выбор: платить штраф или идти в тюрьму. Высший класс платит штрафы, что не беспокоит его ни в малейшей степени. Люди из низшего класса или наскребают и занимают по грошам деньги, или же направляются в тюрьму, где им и положено находиться. Но никому не хочется посылать в тюрьму образованных людей: у них очень дурная привычка рассказывать потом, что представляют собой наши тюрьмы, сочинять злые басни о садизме, бессмысленности заключения, парашах с вонючей мочой и тем самым рассеивать наши иллюзии о перевоспитании и профессиональном обучении в тюрьмах.

Можно спросить: почему сейчас у нас так много молодых людей — кандидатов в

обитатели Паркхэрста и Уэрмвудскрабс¹? В конце концов, преступность не новое явление. Первый закон, дарованный человеку, гласил, что он не должен есть плоды с Древа познания добра и зла. Все мы знаем, много ли времени понадобилось Адаму и Еве, чтобы нарушить закон.

Почему же находятся желающие выступить против общества, которое создали для нас высшие классы, или порвать с ним всякую связь? Конечно, есть профессиональные преступники, есть люди, просто потерявшие нить в жизни и не сознающие, что они делают. Но что сказать об остальных? У нас есть работа, система здравоохранения и социального страхования — почему же они не удерживают нас от преступлений? Вряд ли можно объяснить рост преступности увеличением числа нуждающихся. У нас нет сейчас армии неимущих и маленькой группы имущих. Но богатые и бедные так же далеки друг от друга, как и раньше, хотя это менее заметно, ибо их разделяют не только деньги. Англичанин с первых лет своей жизни знает о существовании мира богачей и мира бедняков. В значительной степени этому способствует деление школ на обычные средние школы и гимназии. Оно порождает у молодых людей или интерес к жизни, или скуку, надежды или апатию и разочарование. Полиция задержала как-то парня, который стрелял по окнам домов из духового ружья. «А что еще делать в Барнстапле по воскресеньям?» — спросил он мирowego судью графства Девоншир.

Юноша, оставляющий среднюю или общеобразовательную школу в возрасте пятнадцати лет, вступает в совершенно иной мир, чем его ровесник, который продолжает учиться, чтобы получить аттестат «О»². Этот парень может на что-то надеяться, перед ним открываются определенные перспективы. Вероятно, он не всего достигнет, не поднимется очень высоко, но он знает, что существуют вакансии на ответственные должности — контролера или инспектора, помощника управляющего. Они доступны ему, если у него будет драгоценный аттестат. А когда он получит аттестат «А» или диплом, перед ним откроются еще более привлекательные и многообещающие пути в жизнь.

Однако семьдесят процентов учащихся покидают школы в пятнадцать лет. У большинства из них перспективы далеко не радужные. Они попросту оказываются в тупике. Молодые люди идут на завод, им показывают место у станка или конвейера, и они знают, что так и останутся здесь, пока в 60—65 лет не уйдут на пенсию. Они видят рядом с собой ровесников своих отцов, а может быть, и дедов, которые

выполняют ту же работу, что и они, получая лишь капелюк больше денег за выслугу лет. Могут сказать, что это карикатура на действительность, но нет — это настоящая правда: огромное число молодых людей, оставивших школу, попадает именно в такое положение. Работать с интересом, получать удовлетворение и двигаться вперед — это привилегия меньшинства. А у этих людей даже не возникает мысли о каком-либо успехе в жизни. Парень, идущий на фабрику из школы в пятнадцать лет, не думает о повышении в должности, о том, чтобы стать мастером или начальником цеха. Классовая структура английского общества, так ярко выраженная в отношениях в промышленности, приводит пятнадцатилетнего парня к убеждению, что таким, как он, не подняться вверх по общественной лестнице. Вырваться из тупика юноша из низшего класса может только с помощью образования. Если у него нет особых способностей к науке, лучше даже не стараться. Он всю жизнь простоят у конвейера.

Более того, он обнаруживает, что мир, в который он вступил, полностью регламентирован не только на производстве, но и во всех остальных сферах жизни. Нашим парнем управляют все: фирма, на которую он работает, с ее директорами, инспекторами, контролерами, начальниками отделов кадров, мастерами, начальниками цехов, профсоюзными бонзами и цеховыми старостами. Ему диктуют свою волю законы страны в лице их исполнителей — полицейских, сторожей в парках и регулировщиков уличного движения. Над ним стоят сборщики налогов, страховые агенты, лавочники, продающие товары в кредит, муниципальные и санитарные инспекторы, агенты социального обеспечения и сотни других людей, представляющих те или иные органы власти. Они могут заставить его или запретить ему делать что-либо, вынудить давать сведения о других людях. Все они — орудия высокоорганизованного и сверху донизу управляемого общества, хотя это не значит, что оно хорошо организовано и хорошо управляется. И парень не может определять свою собственную судьбу. Он существует для того, чтобы им управляли.

Конечно, можно смириться с этим; так и поступает большинство. Люди приходят к выводу, что работа — это тягучая, нудная обязанность, которая поглотит значительную, лучшую часть их жизни.

Вы не проявили способностей к науке — и вас выгнали из школы в возрасте пятнадцати лет. Но все же может оказаться, что у вас много энергии, талант организатора и руководителя, стальные нервы и львиное сердце. Это ничего не значит — вы не справились с системами уравнений и придаточными предложениями, а значит, сбились с официально признанного пути,

¹ Две известные английские тюрьмы.

² Чтобы завершить среднее образование, школьник должен сначала сдать предварительные экзамены и получить аттестат «О», который еще не дает права на поступление в университет. Продолжая учиться, он сдает, наконец, экзамены на аттестат «А», или аттестат зрелости, и может поступать в высшее учебное заведение.

который привел бы вас в лоно английского общества. Наше общество повелевает, чтобы вы оставались в низшем классе.

Если вы приняты в гимназию, а затем получили аттестат «А», то жизнь потечет иначе. Нет надобности заниматься тоскливой и тяжелой работой. Ваш ровесник из средней школы планирует ограбление ювелирного магазина, а вы подписываете контракт на строительные работы для фирмы «Вимпи» или набрасываете проект строительства гидроэлектростанции где-нибудь в Африке. Вы движетесь вперед, жизнь не проходит даром.

Конечно, побудительной причиной преступления не обязательно является стремление добиться успеха в жизни. Но нет ничего удивительного, что на психологию многих людей, замышляющих мелкое или крупное преступление, робкое или дерзкое покушение на закон, гораздо больше влияния оказывают пережитые ими жизненные разочарования, чем все назидательные инструкции о необходимости соблюдать законность и порядок. Никогда еще людям не разъясняли так подробно и настойчиво, чего бы они могли достичь и что они упустили в жизни. Следует ли удивляться росту преступности? Крупные корпорации считают, что полиция не в силах защитить их интересы, и создают свои собственные полицейские силы с помощью частных фирм, формирующих военизированную охрану. Похоже, что мы возвращаемся к эпохе полного беззакония XIX века, когда домовладельцы в богатых районах городов создавали свою собственную полицию для охраны их владений. Оказывается, и сейчас многие богачи и влиятельные лица не прочь восстановить существовавшие в XIX веке наказания для злостных преступников.

«Я предлагаю наказывать за убийство полицейских, тюремных надзирателей, охранников и за убийство с целью грабежа не только десятилетним заключением, но и ампутацией обеих ног до бедра, без права пользоваться в дальнейшем протезами. Предоставлять преступнику лишь тележку на маленьких колесиках. В случае рецидива преступления — применять дальнейшее расчленение тела», — писал один из таких господ в газете «Хаддерсфилд дейли экзаминер». Другую крайность представляет такое предложение, опубликованное в «Дейли мейл»: «Можно остановить хулиганство среди подростков, если матери будут одевать их в детские костюмчики до юношеского возраста. Короткие штанишки не позволят мальчику подражать поступкам великовозрастных парней».

Беда в том, что добрая половина законопослушных членов общества не вполне твердо представляет, на чьей она стороне. Ведь не только же преступники, но и огромное множество людей возмущаются стремлением властей регламентировать нашу жизнь, ограничивать нашу свободу, применять принуждение, прибегать к слежке за нами. Невольно люди начинают восхищаться теми, кто бросает вызов мо-

гучим органам власти и отказывается им подчиняться.

В 1964 году, когда произошло «великое ограбление почтового поезда», значительно большее число англичан радовалось, а не возмущалось. Было известно, что машинист поезда получил увечья, но англичане все же жалели пойманных и осужденных грабителей, хотя сами они, конечно, никогда бы не приняли участия в такой авантюре.

Где же выход — если, конечно, не предлагать неосуществимого решения, то есть ликвидации нашей классовой системы? Как сократить преступность? Не поможет ли решить проблему телевидение? «Дейли миррор» опубликовала письмо женщины, в котором она писала: «Трое из моих детей уже побывали в исправительных заведениях за мелкие преступления. Четвертый чуть было не пошел по тому же пути, но в это время я купила в кредит телевизор. Мальчик стал прямо золотым. После телевизионных передач он начал ходить в церковь, и его нельзя было даже выгнать на улицу. За неуплату очередного взноса телевизор у меня отобрали, и мальчик снова вступил на скользкий путь преступлений».

По-видимому, спасти этого мальчика уже поздно, но нельзя ли сделать что-нибудь для всех остальных? Каждую неделю телевидение показывает около двадцати страшных фильмов о преступниках и преступлениях. Во всех фильмах неизбежно торжествуют власти. Не удивительно, что мы подсознательно мечтаем, чтобы в жизни все было наоборот! Мы искренне надеемся, что бедному, обездоленному преступнику удастся спастись!

Если высший класс хочет, чтобы мы поддержали его борьбу против растущей преступности, если (что весьма сомнительно) все судьи и адвокаты хотят остаться без работы, они должны воспользоваться своими полномочиями и добиться, чтобы в течение целой недели телевидение показывало массовую кровавую бойню. Сид, Барлоу, Гидеон, Джон Дрейк, Сэнт, Джек Уорнер, Локхарт, не говоря уже о Бэтмене и Робине¹, — все они должны погибнуть на наших глазах в страшных муках от рук злодеев. Нужно, чтобы хоть на неделю власти и высшие классы согласились занять место обездоленных и неудачников, и тогда преступники могли бы распрощаться со всеми надеждами. Против них вооружилась бы вся нация, и преступность постепенно сошла бы на нет.

Великая иллюзия

Англичане, как мы видели, питают самые различные иллюзии. Но есть среди них Великая иллюзия. Англичане часто грешат против логики, однако в одном вопросе они

¹ Семь первых имен — это имена известных по западным фильмам и телевизионным программам сыщиков и детективов. Бэтмен — своего рода «супермен», герой комиксов и мультфильмов. Робин — его юный помощник.

разделяются с ней беспощадно. Этот вопрос объединил в себе бесчисленное множество тех несуразиц и чудачеств, о которых мы говорили выше. Противопоставление «общественных денег» деньгам, принадлежащим членам общества; неумолимый рост числа государственных департаментов; своеобразное расслоение нашего общества, с которым мы охотно миримся; донкихотская смесь недоверия к любому иному обществу и чувство превосходства над ним; наша способность сглаживать острые углы и двуличие, а точнее, троеличие; вопросы, которые — как нас учат — не следует задавать; навязанные истины, которые мы должны принимать беспрекословно.

За все прегрешения против логики нам ежегодно предъявляют счет на 2 000 000 000 фунтов стерлингов, составляющий статью расходов, именуемую Оборона. Такой пеной мы оплачиваем армию, военно-морской флот и военно-воздушные силы. Не так уж много осталось нынче коней в кавалерии, парадных полковых знамен или дворцов, которые караулила бы лейб-гвардия, но платить приходится два миллиарда фунтов стерлингов в год. Частенько нам напоминают, почему мы обязаны платить по этому счету. Оплачивая армию, военно-морской флот и военно-воздушные силы, мы, дескать, платим за мир и безопасность. Если этого не делать, то русские не сегодня-завтра будут маршировать по Масуэл-хиллу¹. Сумма поистине фантастическая: она в десять раз превышает расходы правительства на строительство и содержание дорог и в двадцать пять раз — расходы на здравоохранение. Верьте или не верьте, но эта сумма составляет от одной трети до половины вообще всех расходов правительства. К счастью, сумма настолько огромна, что, во-первых, никто не в состоянии конкретно представить ее размеры и, во-вторых, никто не поверит, что можно израсходовать эти миллиарды так, чтобы народу от этого не было никакой пользы. И уж тем более никто не поверит, что девять десятых этих денег летит на ветер, хотя так оно и есть на самом деле.

Невозможно подытожить прибыли и убытки оборонного бюджета. Каждый год мы презентуем вооруженным силам два миллиарда фунтов, но что мы получаем взамен? Ответ один: мир и безопасность. Это удивительно напоминает язык торговой рекламы: откуда вы знаете, что вы жили бы так же хорошо и без нашего товара? Откуда вы знаете, что без огромных расходов на оборону вы жили бы так же мирно и в безопасности, как и сегодня?

Если бы мы завоевывали новые территории, защищали рынки для наших товаров, захватывали силой источники сырья для промышленности, то можно было бы хоть как-нибудь оправдать существование наших вооруженных сил, даже рискнув вызвать моральное осуждение со стороны всего мира. Но мы же этого не делаем. Нас интересует только оборона. Следовательно, авианосцы, атомные подводные лодки, истреби-

тели и бомбардировщики типа «V», ракеты и противоракетные ракеты, сложные электронные системы наводки, управления и слежения за ракетами «Бладхаунд» и «Сислаг», «Блю стрик» и «Блю уотер», «Поларис», и TSR-2, и F-111 — все эти виды вооружения существуют, чтобы защищать нас, если они еще способны выполнять такую миссию. Например, у королевских воздушных сил есть самолет, который может даже долететь до середины территории России, и к этому моменту его конструкция еще не устареет.

От чего и от кого нас обороняют? Абсурдность затеи заключается в том, что если кто-нибудь захочет уничтожить нашу страну, он в состоянии сделать это в любой момент по собственному усмотрению. Уже давно по орбитам в атмосфере носятся сотни орудий истребления, на которые никто не обращает особого внимания. Штук пятьдесят из них могут оказаться боеголовками водородных бомб, которые легко направить на наши крупнейшие города. Точно так же составные части водородной бомбы можно без труда контрабандным путем завезти в страну, собрать в частных домах в центре городов и держать их готовыми к детонации. Существуют смертельные яды такой концентрации, что несколько бутылок, опорожненных в двадцати водохранилищах, могли бы навеки разрешить нашу проблему перенаселения. Бактерии могут быть выброшены в атмосферу. Против такой угрозы у нас нет никакой защиты, да о ней никто и не думает. Почему же враги еще не уничтожили нас с помощью подобного оружия? Приходится полагаться на невероятные утверждения военных авторитетов, что враги в этом не заинтересованы.

Если мы задумаемся над вопросом, какую реальную пользу приносят нации наши вооруженные силы, мы не найдем ответа. Ответ заключается в стремлении самих вооруженных сил к самосохранению и — если возможно — к дальнейшему росту независимо от того, диктуется ли это необходимостью. После окончания войны казалось (хотя и это весьма спорно), что державам необходимы ядерные бомбы, чтобы создать «равновесие страха». Однако в 50-х годах создалось положение, когда стороны овладели средствами взаимного уничтожения, и выяснилось, что защищаться от них почти невозможно. Созданная при затратах бесчисленных миллионов долларов система ДРО (дальнего радиолокационного обнаружения) предупреждала США о приближающихся из СССР ракетах, если бы, конечно, русские любезно послали их северным полярным маршрутом. Систему еще не успели привести в действие, как обнаружилось, что русские могут посылать ракеты и через Южный полюс.

Возникает сложная дилемма. Если оборона невозможна и у обеих сторон есть все необходимые средства массового уничтожения, то для чего нам содержать армию, во-

¹ Один из районов Лондона.

ДЭВИД ФРОСТ, ЭНТОНИ ДЖЕИ
АНГЛИИ — С ЛЮБОВЬЮ

енно-морской флот или военно-воздушные силы? Почему бы не посадить в подземных убежищах нескольких человек у радарных экранов, «горячих линий» и кнопок и не распустить остальных, чтобы они занялись полезным трудом? Наши военные долго думали над этим вопросом и, проявив необычайную изобретательность, предложили новейшую оборонную философию. На протяжении всей истории военные разрабатывали такое вооружение, с помощью которого они могли бы отразить ту или иную опасность и угрозу. Отныне процесс стал обратным: военные так подбирают опасности и угрозы, чтобы они соответствовали существующему вооружению. Если у них есть ракеты «Земля — воздух» — значит, опасность представляют вражеские самолеты-бомбоносители. Если у них есть военные базы на чужой территории и 150 тысяч солдат, то опасность могут представлять мелкие сухопутные враждебные операции стран, не владеющих ядерным оружием. Если у них есть бомбардировщики с радиусом действия в 2 тысячи миль, то они опасаются нападения со стороны держав, расположенных в радиусе 2 тысяч миль от баз наших бомбардировщиков, и готовятся отразить удар. Любую другую опасность не принимают во внимание, точнее, ее игнорируют, поскольку нет реальных средств защиты от нее. Во многих частях земного шара есть враждебные страны и существует угроза миру, но в этих районах у Британии нет войск, и на эти территории не распространяется ее юрисдикция. Печально, но тут уж мы ничего не можем поделать. Если Ближний Восток охватит война, мы будем голько горько вздыхать. Но если появятся партизаны в Адене¹ или Борнео, это означает угрозу миру, и долг Британии вмешаться иначе весь мир сторит в пламени войны.

В нелепых патрульных операциях гибнут рядовые солдаты, защищая территории, которые мы все равно через год-два покинем. Однако эти операции — единственное оправдание существования всех майоров и полковников, генералов и адмиралов, которые заполнили Уайтхолл и Бат². Руководители военно-морского флота с мужеством, достойным лучшего применения, доказывают, что отнюдь не каждый служащий на флоте одержим желанием пробить себе дорогу в комфортабельные кабинеты Адмиралтейства. Проведенный недавно опрос показал, что только 27 процентов служащих на флоте хотят быть адмиралами. Что и говорить, цифра внушительная, но нельзя обойти молчанием тот факт, что остающиеся 73 процента — это уже адмиралы.

Когда мы читаем сообщение о том, что в каком-то далеком уголке земного шара «партизаны совершили сегодня несколько атак на правительственные военные базы», мы хорошо понимаем, что следовало бы писать:

¹ За время, прошедшее после издания книги, Аден уже стал столицей независимой Народной Демократической Республики Йемен.

² Бат — курортный город в Англии, где обычно селятся отставные высшие офицеры.

«демократы пытаются свергнуть поддерживаемую нами фашистскую марионетку», что вскоре наших солдат снова бросят в бессмысленную авантюру и они будут умирать и сражаться за дело, не имеющее никакого отношения к нашей демократии и, вполне вероятно, пагубное для демократии в этой далекой стране. И все же происходит именно так.

Торжественная церемония выноса боевых знамен, выезд конной гвардии и другие пышные зрелища способствуют сохранению иллюзии. Ясно, что ни один директор автомобильного завода не станет обучать своих рабочих маршировать «правой — левой» и разом поднимать и опускать руки. Да и рабочие достаточно разумны, чтобы не согласиться на подобную чепуху. Нам кажется, что в торжественных церемониях есть что-то мистическое, особое, доступное только военным, но не штатским людям. Так маскируют очевидную истину, что всю «работу» военных куда лучше выполнили бы инженеры, математики, служащие пароходных и авиационных компаний, электрики, водители грузовиков, менеджеры и представители других гражданских профессий.

Реалистически мыслящие люди понимают, что расходуемые средства не гарантируют нам никакой безопасности, но чтобы как-то оправдать оборонный бюджет, они утверждают, что эти деньги помогают развитию промышленности. Чистейшая ерунда. Если бы деньги, расходуемые на вооруженные силы, были ассигнованы на технические исследования, развитие и расширение индустрии, они принесли бы неизмеримо больше пользы. Огромное количество вооружения мы покупаем в США. Ракеты «Поларис» и самолеты F-III — только верхушка айсберга. На содержание наших гарнизонов в чужих странах тратится ценнейшая валюта. Вооруженные силы едва не довели до гибели производство английских компьютеров, и его спасло гражданское министерство технологии. Нашу станкостроительную промышленность так и не удалось вывести из застоя, на который ее обрекли военные. В результате их хозяйничанья в авиастроительной промышленности создалось положение, когда у США есть самолет с меняющейся геометрией крыла, а мы, вместе с французами, возмемся со строительством пассажирского самолета, который из-за бюрократической волокиты, длившейся несколько лет, устареет прежде, чем поднимется в воздух.

Только Закон об армии и Закон о государственной тайне мешают народу узнать правду о том, что причиной многих его нынешних бедствий является ежегодное расходование двух миллиардов фунтов, большая часть которых выбрасывается на ветер. Ясно одно, что куда полезнее было бы разделить эту сумму на число жителей Британии, выдать каждому мужчине, женщине и ребенку по 40 фунтов, и пусть они сами обороняются.

Иногда создается впечатление, что вооруженные силы приближаются к такому состоянию, когда они вообще не будут сражаться, но это неверно. Одни из самых оже-

сточенных сражений нашего времени происходят на Уайтхолле — между военно-морским флотом и королевскими воздушными силами, между королевскими воздушными силами и сухопутной армией за новые виды вооружения, а также между всеми тремя родами войск и кабинетом министров против его попыток сократить расходы на оборонные нужды и экономить за счет вооруженных сил. Если даже мир воцарится на всей земле, войки с Уайтхолла будут по-прежнему сражаться.

Кажется чудовищным, что два миллиарда фунтов ежегодно расходуются на пышные парады, содержание ненужных учреждений, жалование бесчисленным адмиралам и генералам, которые могли бы с большей пользой работать швейцарами в кинотеатрах. У этой системы — помимо ее огромной стоимости — есть и другие отрицательные стороны. Отношения между офицером и подчиненным ему солдатом способствуют сохранению классовых различий в нашем обществе, пагубно отражаются и на отношениях между управляющими и подчиненными им служащими и рабочими от которых они подсознательно ждут такого же слепого повиновения, как от солдат, которыми они когда-то командовали в армии.

Сама организация армии, с ее корпусами, дивизиями, бригадами и батальонами, служит наихудшим образцом бюрократического аппарата, который рабски имитируют многие гражданские институты. В результате у нас появилось много высокопоставленных и облеченных полномочиями граждан, которые материально заинтересованы в том, чтобы мирные ситуации превращались в напряженные, напряженные — в опасные, а опасные — во взрывчатые. Они получают такие соблазнительные и выгодные подряды от армии, что и за пределами Уайтхолла есть люди, охотно раздувающие их алармистские настроения. Депутаты парламента от избирательных округов, где находятся военные

заводы, постоянно испытывают на себе давление со стороны этих кругов. Один из таких депутатов, выступая на предвыборном митинге, заявил: «Моя партия будет по-прежнему выступать за мир». Затем, услышав, что некоторые избиратели заворчали, быстро добавил: «О, конечно, не при жизни нашего поколения».

Размышляя о ничтожной пользе и о серьезном вреде, которые приносит наша военная система, приходишь к весьма печальному выводу: проблема бездомных, нехватка учителей и врачей, забитые транспортом дороги, дырявые тюрьмы, из которых бегут заключенные, — все это вызвано недостатком денег, тех денег, которые так щедро платят вооруженным силам по счету в 2 миллиарда фунтов стерлингов.

Если цель современного государства — укрепление национального благосостояния, то политика — это деятельность, связанная с распределением богатства. Если благосостояние — это возможность владеть тем, что бы вам хотелось иметь или в чем вы нуждаетесь, то почему же мы безрассудно тратим богатство на то, в чем мы совершенно не нуждаемся? Мы сами губим себя, отказываясь выйти из игры в великие военные державы, хотя всем давно известно, что фактически нас уже исключили из этой игры. Все труднее становится доказывать логичность нашего присутствия на Борнео и в Сараваке, но, например, не на Яве. Десять лет назад мы имели какое-то отношение к Суэцу. Последние события в этом районе нас уже не касались. А что будет через десять лет?

С какой стати мы губим себя — бессмысленно и бесцельно — попытками сохранить Британию на роли древнего мини-Рима?

Как сказал один генерал, взглянув на здание новой больницы: «Только подумать! Ценой десяти таких зданий мы могли бы купить еще одну ракету «Поларис»!»